30 5/55

ЭБ

Содержание:

1.) автор: Муравьев А.Н.
Впечатления кончины и погребения
Филарета Митр. Московского

2.) Жизнь и подвиги Архимандр.
Миодора в Глинской пустыни

Д2464
3

30 5/55

БИБЛІОТЕКА
№ К. О. 3/773
Ковен. Евен. Сит.

Дом. 6. № 773.

фб
2й экз.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ

КОНЧИНЫ и ПОГРЕБЕНІЯ

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО

ФИЛАРЕТА.

МОСКВА.
Типографія В. Готье, Кузнец. мость, д. Торлецкаго.
1871.

Е 80/623 (1868 г.)

2006282191

Печатать дозволяется. Августа 2 дня, 1871 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Профессоръ, Протоіерей *Филаретъ Серіевскій.*

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

2785-07

ВПЕЧАТЛѢНІЯ КОНЧИНЫ И ПОГРЕБЕНІЯ

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО

ФИЛАРЕТА.

Когда отходитъ отъ земли такая вѣковая личность, каковъ былъ усопшій Владыка, невольный страхъ объемлетъ сердце, отъ сознанія той безотрадной пустоты, какую онъ по себѣ оставляетъ. Одного лишь человѣка не стало въ мірѣ, и едва ли цѣлое поколѣніе можетъ наполнить собою эту пустоту! Водворяется нѣкое таинственное безмолвіе, какъ бы въ ожиданіи новыхъ, подобно сему громовыхъ ударовъ; и наипаче внимательна Церковь къ такому безмолвію, ибо сдвинуть со свѣщника ярко горѣвшій ея свѣтильникъ, во свѣтѣ коего она еще надѣялась утѣшаться многіе годы; самая продолжительность времени его сіянія заставляла забыть, что онъ можетъ когда либо погаснуть. Мы вѣримъ солнцу, что оно и завтра будетъ еще согрѣвать насъ, хотя и видимъ вечерній его закатъ. Тяжело пало на душу чувство нашего сиротства при оскудѣніи сего свѣта, въ темную годину вещественнаго броженія умовъ, обольщаемыхъ суетною философіей, по преданіямъ человѣ-

ческимъ и по стихіямъ міра, но не по Христу, какъ предварялъ насъ Апостолъ языковъ (Колос. 11. 8).

Возблагодаримъ однако, хотя и съ сокрушеннымъ сердцемъ, Господа даровавшаго намъ и въ послѣднія сія времена столь великаго Святителя, напомнившаго собою древнихъ Отцевъ Церкви; возблагодаримъ и самаго усопшаго за его праведную многолѣтнюю жизнь между нами, въ продолженіи коей, своими дѣяніями, какъ и нынѣ, въ смертномъ своемъ покоѣ, онъ постоянно какъ бы возглашалъ и гласитъ намъ Апостольское увѣщаніе: *подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу* (1 Кор. IV, 16).

Время, предшествовавшее его блаженной кончинѣ, служило для насъ назидательнымъ приготовленіемъ къ тому тяжкому лишенію, какое намъ предстояло, дабы мы умѣли достойно оцѣнить дарованное намъ сокровище, къ обладанію коего мы уже какъ будто привыкли съ давнихъ лѣтъ, по которому издали приходили дивиться даже Цари иноземные. Вселенская же Церковь, въ лицѣ своихъ Патріарховъ, единодушно воздала ему должную хвалу, хотя и бывшую бременемъ его смиренія. Юбилей Московскаго Первосвятителя былъ юбилеемъ всего православнаго Востока, которому не чуждъ былъ и самый Западъ, и по истинѣ подобало такъ прославиться нашему священному старцу прежде его отшествія въ вѣчность, ибо, какъ выразился краснорѣчивый Богословъ въ надгробномъ словѣ великому Аѳанасію, „прославляя его, мы прославляемъ добродѣтель.“

Не странно ли, что въ продолженіи послѣдняго го-

да его жизни, будущіе Властители Пруссіи, Англіи, Италіи, Даніи, и иные владѣтельные Князья царственныхъ родовъ Европы приходили цѣловать его благословляющую десницу и слышать отъ него слово назиданія, ибо никто изъ нихъ не почиталъ возможнымъ посѣтить первопрестольную столицу нашу и не видать ея великаго старца. Примасъ, Архіепископъ Шотландіи, и одинъ изъ старшихъ Епископовъ дальней Америки посѣтили также смиреннаго подвижника въ его уединенномъ скиту, и цѣлое миссіонерское общество Англіи, ищущее союза съ Востокомъ, привѣтствовало его окружнымъ посланіемъ въ день юбилея. Грамоты къ нему Вселенскаго Патріарха Григорія и прочихъ трехъ Патріарховъ умилительны тѣмъ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія, какимъ онѣ были проникнуты къ своему священному собрату, который, не будучи равнымъ имъ Патріархомъ по сану, казался однако выше всѣхъ Патріарховъ и Отцемъ Отцевъ, по древнему выраженію церковному. Слышно ли было когда, чтобы ради кого либо изъ Епископовъ, торжественная литургія совершалась въ опредѣленный день всѣми Епископами Православія, во всѣхъ соборныхъ церквахъ, начиная отъ Сіона и Голгоѳы, матери всѣхъ церквей, и чтобы даже радостными огнями горѣлъ надъ нею самый крестъ, на куполѣ Іерусалимскомъ? И что же? Виновнику всѣхъ сихъ необычайныхъ торжествъ дано лишь было столько времени до его мирной кончины, сколько необходимо для того, чтобы возблагодарить всѣхъ и каждаго за изъявленіе ему

сей вселенской любви. Соборъ окрестныхъ Епископовъ соединился на мѣсто его подвига, въ великую Лавру, чтобы привѣтствовать его въ день радостнаго юбилея, и такой же соборъ сошелся опять въ ту же Лавру, чтобы воздать ему послѣдній долгъ, когда довершилъ онъ свое теченіе.

Самъ онъ чувствовалъ необычайность своего положенія въ послѣдніе дни жизни и обременялся славою своего юбилея, который называлъ тяжкимъ бременемъ для своей немощи. „Непонятно для меня," писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, „какое это знаменіе, что 5 дню августа дано такъ много значенія и чего въ семъ хощетъ воля Божія? Только съ новою силою даетъ мнѣ чувствовать, какъ много отъ меня требуется и какъ много недостаетъ меня для удовлетворенія."

Праведному старцу, который всю свою жизнь готовился къ блаженному отшествію въ вѣчность, было и необычайное извѣщеніе о близкомъ его исходѣ. Въ сонномъ видѣніи явился ему родитель, за два мѣсяца до кончины, и велѣлъ быть внимательнымъ къ опредѣленному дню, таинственно обозначивъ его только числомъ 19. Съ тѣхъ поръ всегда приступалъ онъ въ этотъ завѣтный день къ пріобщенію Божественныхъ таинъ, и самъ имѣлъ утѣшеніе совершить оныя въ послѣдній день своей жизни. Какъ объяснить этотъ сонъ или видѣніе? Не свидѣтельствуетъ ли это о степени его духовности, ежечасно совершенствовавшейся, которая сближала его все болѣе и болѣе съ мі-

ромъ духовнымъ? А между тѣмъ до послѣдней минуты не оставляла его жизненная дѣятельность, и тогда только угасла лампада, когда догорѣла до послѣдней искры. Онъ и совершилъ съ бодрыми силами Божественную литургію, и привѣтствовалъ назидательнымъ словомъ посѣтителей, и еще, стоя, начерталъ предсмертныя свои мысли. Тогда лишь, умывъ лице и руки, встрѣтилъ грядущаго къ нему Ангела смерти и поклонился ему до земли, давно уже готовый, душевно и тѣлесно, идти въ слѣдъ за нимъ, чтобы предстать Господу своему, котораго *пришествіе* онъ *возлюбилъ* отъ юности своей, и которому онъ *работалъ со страхомъ и трепетомъ* до послѣдняго часа. Если кому либо, то конечно сему усопшему, могутъ быть усвоены слова откровенія Іоаннова (XIV.13): *блаженни мертвіи умирающіи о Господѣ. Ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ вслѣдъ ихъ.*

Погребеніе Святителя было, по истинѣ, торжественнымъ шествіемъ дѣлъ его вслѣдъ за нимъ: съ паствою послѣдующею за его гробомъ, назиданіе коей было полувѣковымъ дѣломъ пастырскаго его слова, и съ предшествующимъ ему клиромъ, который весь, отъ старшаго пресвитера до послѣдняго иподіакона, былъ духовнымъ дѣломъ рукъ его, не исключая и самихъ Епископовъ, имъ же рукоположенныхъ; въ сію печальную минуту можно было повторить слова Дѣяній Апостольскихъ: *народу вѣровавшему бѣ сердце и душа едина* (Дѣян. IV. 32); ибо всѣ мысли и серд-

ца были устремлены къ несомому Архипастырю, который нынѣ, какъ и всегда, руководилъ ихъ на путь спасенія. Умилительное зрѣлище представляла необъятная столица, вся собравшаяся, какъ бы одинъ человѣкъ, въ священный Кремль и на погребальный путь. Не только всѣ улицы, но и всѣ крыши были унизаны народомъ, какъ бы стаею голубей, слетѣвшихся для сей духовной пищи, и все это несмѣтное множество молилось объ усопшемъ, испрашивая и себѣ загробныхъ его молитвъ; такое зрѣлище было лучшимъ свидѣтельствомъ Православія той Церкви, которая могла явить предъ лицемъ всего міра, какихъ великихъ пастырей даровалъ ей Пастыреначальникъ Христосъ.

Разскажу только, что видѣлъ и слышалъ. Пріѣхавъ въ Москву въ самый день и часъ перваго выноса усопшаго Святителя съ Троицкаго подворья въ каѳедральную его обитель Чудова, я засталъ уже погребальное шествіе на половинѣ дороги и могъ къ нему присоединиться только отъ воротъ Саввинскаго подворья. Поразительно было перенестись внезапно изъ шума сѣверной столицы на это шествіе, вмѣстѣ скорбное и свѣтлое, которое отзывалось инымъ міромъ и гласило о вѣчности. Оно открывалось тихимъ колебаніемъ златокованныхъ хоругвей древнихъ Кремлевскихъ соборовъ съ сіяющими на нихъ ликами Святыхъ, которые впереди всѣхъ указывали путь въ небесную обитель. Медленно они подвигались, и казалось издали—это былъ священный лѣсъ мачтъ тихо

плывущихъ кораблей, по волнамъ житейской пучины, въ безбурную послѣднюю пристань, но, увы! уже безъ своего великаго кормчаго, уснувшаго сномъ вѣчнымъ на самомъ кормилѣ, не выпустивъ руля изъ старческой десницы. За движеніемъ хоругвей слѣдовало нѣніе ликовъ— голосъ сиротствующей Церкви, сѣтующей о своемъ отцѣ, какъ нѣкогда плачъ древней Рахили о своихъ чадахъ, „не хотѣшей утѣшитися, яко не суть!“ Потомъ шли выборные люди всѣхъ сословій и обителей Московскихъ; далѣе безконечный рядъ всѣхъ степеней священства въ черныхъ облаченіяхъ, о коихъ могъ псаломски воззвать несомый за ними Архипастырь: „се азъ и дѣти, яже ми далъ есть Богъ!“ ибо они всѣ были чадами его по духу; и здѣсь съ изумленіемъ можно было видѣть, какое несмѣтное число служителей алтаря въ первопрестольной столицѣ: оно неопредѣленно слыветъ въ народѣ: „сорокомъ сороковъ,“ какъ и тьмами темъ исчисляются Ангелы, обстоящіе небесный престолъ ихъ Творца.

Сонмъ всѣхъ настоятелей Московскихъ обителей и окрестныхъ и за нимъ соборъ Архіереевъ, сошедшихся въ столицу изъ ближайшихъ епархій, имѣя во главѣ маститаго старца, Митрополита старшей каѳедры Русской, Кіева, предшествовали кипарисовому гробу, который былъ несомъ на рукахъ пресвитерскихъ, подъ сѣнію рипидъ, свѣщниковъ и хоругвей, съ знаменіемъ креста впереди. На этотъ малый кивотъ устремлены были всѣ взоры: въ немъ лежало сокровище, на полвѣка дарованное сердцу всея Руси, пер-

вопрестольной Москвѣ, и на вѣки у нея похищенное, или лучше сказать, взятое отъ земли на небо въ нетлѣнную сокровищницу Подателя всѣхъ благъ!

На каждой площади, передъ каждою церковію останавливалось погребальное шествіе для краткой литіи, и тутъ особенно тѣснился народъ, домогаясь прикоснуться ко гробу любимаго Архипастыря, нѣкоторые же и въ надеждѣ исцѣленія; ибо еще заживо уже привыкли смотрѣть на него, какъ на угодника Божія, и давно ходила молва о получаемыхъ, по его молитвѣ, облегченіяхъ отъ различныхъ недуговъ. Какъ только проходило шествіе, слѣдовавшіе за нимъ собирали съ пути можжевельникъ, такъ что опоздавшіе не могли уже найти для себя ни одной вѣтки. При Иверской часовнѣ, со ступеней коей такъ часто благословлялъ онъ народъ, нѣсколько долѣе остановились. Во внутрь часовни внесенъ былъ усопшій и, предъ чудотворною иконою Богоматери, лики возгласили умилительнымъ напѣвомъ гимнъ Пресвятой Дѣвѣ: „Высшую небесъ.—Владычицу міра пѣснями почтимъ.“

Едва можно было пробиться Воскресенскими воротами, хотя и двойными, на Красную площадь, и тамъ опять, предъ Казанскимъ соборомъ и у Лобнаго мѣста предъ Василіемъ Блаженнымъ, повторились литіи о упокоеніи Святителя. На каждомъ шагу было воспоминаніе. Ахъ, мы шли обратнымъ путемъ его крестныхъ ходовъ, во главѣ которыхъ такъ часто онъ шествовалъ самъ изъ Кремля на Лобное мѣсто,

чтобы съ высоты его благословить свою паству и вмѣстѣ съ нею на всѣ страны всю Русскую землю; и онъ также, какъ и мы, останавливался у каждой церкви, чтобы поклониться выносимымъ ему храмовымъ иконамъ; иконы сіи выносились и теперь къ нему на встрѣчу по древнему чину, но уже не цѣловалъ ихъ добрый Пастырь, и заупокойная о немъ молитва замѣняла его живое лобзаніе.

Открылись предъ нимъ и Спасскія врата, впервые послѣ ихъ обновленія; красная ихъ башня, возстановленная по древнему образцу, освятилась погребальнымъ шествіемъ. Не исходилъ онъ ими на сей разъ, но входилъ, на пути къ дому своихъ предмѣстниковъ, Петра, Іоны, Филиппа, подъ родственную сѣнь чудотворца Алексія, гдѣ на краткій срокъ долженъ былъ успокоиться. Ярко освѣтило солнце всю Кремлевскую святыню, при входѣ въ его завѣтную ограду, и все Замоскворѣчье, которое какъ бы тонуло въ золотистомъ парѣ вечернихъ лучей; бѣлыя его колокольни подымались изъ сего свѣтлаго тумана вмѣстѣ съ бѣлыми столбами волнистыхъ облаковъ, какъ бы дымъ кадильный. Былъ вечеръ, и вечернимъ вдохновеннымъ гимномъ Софронія, Патріарха Іерусалимскаго, проводили лики вечерѣющій день: „Свѣте тихій святыя славы, Безсмертнаго, Отца небеснаго, Святаго, Блаженнаго, Іисусе Христе: пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній, поемъ Отца, Сына и Святаго Духа Бога.“ Своевременно возгласилась сія умилительная пѣснь вмѣстѣ съ уми-

рающимъ днемъ и заходящимъ солнцемъ: мы созерцали предъ собою и другое яркое свѣтило духовное, которое только что закатилось предъ нами, осіявъ насъ невечернимъ свѣтомъ долгой праведной своей жизни и православнаго ученія.

Густо, глухо гудѣлъ Иванъ Великій, не какъ во дни торжествъ, но унылымъ гуломъ одного лишь большаго колокола, и этотъ глаголъ времени, металла звонъ, гласилъ намъ о смерти; ему вторилъ печальный перезвонъ всѣхъ церквей столицы. На площади, въ средѣ соборовъ, обителей и палатъ Царскихъ, возгласилась послѣдняя всенародная литія, и сквозь желѣзныя врата Чудова, по мѣднымъ его ступенямъ, поднялось погребальное шествіе въ его мрачную готическую трапезу; тамъ сталъ кипарисовый гробъ, и въ немъ бывшій настоятель сей обители, но и во гробѣ какъ бы живой, по живому участію, какое возбуждалъ къ себѣ во всѣхъ сердцахъ.—болѣе, нежели всѣ его окружавшіе въ сію печальную минуту, онъ одинъ господствовалъ надъ всѣми съ высоты своего смертнаго ложа, ибо Филаретомъ еще дышала вся Москва, даже и бездыханнымъ! Совершилась панихида, разошелся соборъ священнослужителей, остались одни народные молитвенники внимать день и ночь читаемому Евангелію надъ усопшимъ; не переставалъ тѣсниться народъ на площади, чтобы пробиться сквозь желѣзные затворы Чудова, чтобы приложиться къ пастырской десницѣ, и многіе однако не могли достигнуть сего утѣшенія.

Таковъ былъ этотъ знаменательный вечеръ, таково и слѣдующее утро и весь этотъ день, канунъ торжественнаго отпѣванія, и во все сіе время не умолкали непрестанныя панихиды надъ почившимъ Святителемъ, частныя и соборныя.

Едва ли повторится когда либо подобное отпѣваніе, какого мы были свидѣтелями въ Чудовѣ, 25-го ноября, въ день посвященный памяти двухъ также великихъ Святителей, Климента, Папы Римскаго и Петра, Патріарха Александрійскаго, которыхъ величаетъ Церковь „столпами благочестія и недвижимымъ своимъ оплотомъ:“ эти выраженія любви и признательности можно было равномѣрно отнести и къ усопшему. Усердный къ его памяти, Митрополитъ Кіевскій, неутомимо священнодѣйствовавшій каждый почти день во всю погребальную седмицу, совершалъ и на сей разъ литургію съ двумя Епископами, Тульскимъ и Можайскимъ. На время оной тѣло усопшаго Владыки было внесено изъ церковной трапезы во внутрь самой церкви. Чудотворецъ Алексій - въ серебряной своей ракѣ, и въ кипарисовомъ гробѣ— новопоставленный подвижникъ, около полувѣка занимавшій его каѳедру, какое умилительное сближеніе! Вмѣсто причастнаго стиха, ученый Ректоръ Академіи произнесъ трогательное слово въ похвалу блаженному своему учителю, котораго неутомимые подвиги сравнивалъ съ подвигами Апостола языковъ: ибо подобно ему онъ старался быть всѣмъ для всѣхъ; и ни одна страждующая церковь, ближняя или даль-

ніи, на окраинѣ Россіи или на Востокѣ, не укрылась отъ его любвеобильныхъ заботъ и ревности, по истинѣ Апостольской; повсюду сыпались его щедроты, какъ нѣкогда отъ руки тезоименитаго ему, милостиваго Филарета. Девять надгробныхъ словъ произнесено было во время девятидневнаго, можно сказать, погребенія, лучшими проповѣдниками столицы или блюстителями образованія духовнаго; въ каждомъ изъ нихъ изливалось глубокое благоговѣніе къ великому Святителю и то чувство сиротства, какое онъ по себѣ оставилъ; и если кто либо, не постигавшій доселѣ сихъ родственныхъ отношеній добраго Пастыря къ своей паствѣ, могъ бы еще сомнѣваться въ высокомъ значеніи Митрополита Филарета для всей Русской церкви, — пусть только прочтетъ это посмертное изліяніе искреннихъ къ нему чувствъ, и тогда составитъ себѣ истинный образъ рѣдко повторяющійся въ лѣтописяхъ церковныхъ, генія и характера покойнаго Владыки.

По окончаніи литургіи вынесенъ былъ опять усопшій въ трапезу церковную для торжественнаго отпѣванія. Семь Архіереевъ вынли изъ алтаря соборно совершить оное, какъ вѣрные сыны надъ отшедшимъ родителемъ. Подвигся вмѣстѣ съ ними и слѣпой девяностолѣтній старецъ, благочестивый Архіепископъ Евгеній, чтобы воздать послѣдній долгъ многоуважаемому имъ собрату. Трогательно было видѣть, какъ вели иподіаконы одряхлѣвшаго и почти держали на рукахъ своихъ, ибо и самая свѣча каза-

лась тяжелою для его безсильной руки. и единственный его возгласъ слышался какъ бы изъ за могилы. И въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сего полуотживша́го. близъ ступеней архіерейскаго амвона. отрадно было видѣть во всей юношеской красѣ распустившійся цвѣтъ Царскаго семейства. котораго былъ онъ предетавителемъ. при гробѣ того. кто вѣнчалъ на царство его Августѣйшаго родителя. Благоговѣйною своею скорбію утѣшительно свидѣтельствовалъ онъ первопрестольной столицѣ о царственномъ сердечномъ участіи къ ея глубокой скорби.

Безконечный рядъ Архимандритовъ и Пресвитеровъ. съ возженными свѣчами, стоялъ по сторонамъ гроба. до самаго алтаря, и этотъ многолюдный соборъ священнослужителей. весь проникнутый горемъ своей потери, громогласнымъ хоромъ замѣнялъ. большею частію. лики пѣвчихъ. менѣе слышныхъ съ отдаленныхъ клиросовъ. Особенно торжественны были густые басовые звуки сего священнаго хора, какъ бы глась водъ многихъ. когда возгласили они надгробный канонъ великой Субботы: „волною морекою;“ но мертвенные антифоны со сладкопѣніемъ вторили другъ другу на клиросахъ одни только лики. Это святительское погребеніе было какъ бы соединеніемъ двухъ знаменательныхъ службъ страстной седмицы. великихъ Пятка и Субботы. Умилительные антифоны. многократнымъ чтеніемъ Евангелія. напоминали отчасти сію высокую крестную утреню. хотя повѣсть евангельскую о страстяхъ Господнихъ замѣняли здѣсь

утѣшительныя обѣтованія о воскресеніи. Но возвышенные ирмосы субботняго канона гласили единственно о томъ безсмертномъ Мертвецѣ, который вмѣстѣ былъ и началомъ усопшихъ и начальникомъ жизни, и, казалось, свѣтлая Его Пасха уже разсвѣтала предъ нами изъ глубины гробоваго мрака. Когда же весь торжественный хоръ священнослужителей пропѣлъ общій конъ какъ „со Святыми упокой,“ началось возвышенное, по духу и мысли, чтеніе послѣдующихъ стиховъ или икосовъ, которые звучнымъ голосомъ произносилъ Сакелларій соборный, съ трогательнымъ припѣвомъ „аллилуія“ послѣ каждаго изъ нихъ. Это была какъ бы замогильная бесѣда усопшаго съ предстоящими, о смерти и загробномъ мірѣ, съ глубокимъ о нихъ созерцаніемъ: „Возставши всѣ соберитесь, и сѣдши услышите слово: страшное, братіе, судилище, которому всѣ имѣемъ предстать; нѣтъ тамъ раба, ни свободнаго, нѣтъ малаго, ни великаго, но всѣ нагими предстанемъ....

„Обольемся слезами, видя мощи предъ нами лежащія и, приблизившись къ нимъ для послѣдняго цѣлованія, будемъ говорить: для чего оставилъ ты любящихъ тебя, о друже! что не говоришь съ нами, какъ бывало говорилъ прежде?...

„Куда идутъ нынѣ души, и гдѣ тамъ пребываютъ? желалъ бы вѣдать сію тайну, и никто не можетъ объяснить; поминаютъ ли и онѣ своихъ, какъ и мы ихъ поминаемъ, или онѣ уже забыли плачущихъ о нихъ и поющихъ: аллилуія?...

„Если помиловалъ человѣкъ человѣка, и Тотъ тебя тамъ помилуетъ; если сострадалъ какому-либо сиротѣ, и Тотъ избавитъ тебя тамъ отъ нужды; если въ жизни прикрылъ нагаго, и Тотъ тебя тамъ прикроетъ.

„Если приходящіе изъ чуждой страны требуютъ себѣ вожатыхъ, что будемъ дѣлать, когда идемъ въ страну, которую не знаемъ? — Многихъ тебѣ нужно тогда вожатыхъ, многихъ тебѣ молитвъ сопутствующихъ, чтобы спасти окаянную душу, доколѣ достигнешь Христа.

„Безмолвствуйте, братіе, безмолвствуйте предъ лежащимъ: великое таинство узрите, ибо страшенъ часъ сей; умолчите, да съ миромъ отойдетъ душа, ибо въ подвигѣ великомъ обрѣтается.

„Разжигаемся духомъ, когда слышимъ, что тамъ свѣтъ вѣчный, тамъ источникъ жизни и вѣчное наслажденіе, тамъ есть рай, о которомъ всякая душа праведныхъ радуется“.

Внимая такой загробной бесѣдѣ, невольно пришли мнѣ на мысль тѣ умилительныя слова, которыя нѣкогда написалъ мнѣ самъ усопшій, когда собирался я въ далекій путь на Западъ, ибо слова сіи относились прямо къ настоящей горькой минутѣ; „когда вы увидите или услышите мое отхожденіе въ путь всея земли, вспомните тогда ваше отхожденіе отъ меня, и съ тою же близостію души къ душѣ, умилостивительнымъ словомъ вознесите мое имя и память предъ лице Судіи моего и вашего. Какъ просто и паче

другихъ снисходительно смотрите вы на меня, такъ проста и свободна будетъ ваша о мнѣ молитва, и такую молитву не уничижитъ Заповѣдавшій: да будемъ яко дѣти.“

Ахъ, это былъ какъ бы загробный стихъ антифона, до времени исторгшійся изъ святой его души, въ которой было столько же чувства, сколько и генія.

Послѣднія стихира предъ торжественнымъ гимномъ: „Слава въ вышнихъ Богу,“ въ разительныхъ чертахъ изображала высокое достоинство усопшаго Святителя и какъ бы нарочно была для него составлена:

„Жительствовавъ во благочестіи и украшенъ священникъ Твой, Христе, жрецъ и приноситель Божественныхъ таинствъ. Твоимъ Божественнымъ повелѣніемъ прейде отъ житейскихъ молитъ къ Тебѣ; его же яко священника, Спасе, пріимъ, спаси, и съ праведными упокой, его-же пріялъ еси, великія ради Твоея милости.“

Соборное пѣніе „Слава въ вышнихъ Богу,“ заключающее каждую воскресную утреню, было особенно торжественно вокругъ предстоящаго гроба, ибо такъ оно возглашается и предъ плащаницею въ день великой Субботы. Во время пѣнія прощальныхъ стихиръ совершилось горькое прощаніе съ усопшимъ Пастыремъ, который, казалось, никогда бы не долженъ былъ оставлять своей паствы. Много искреннихъ, задушевныхъ слезъ пролито было надъ его тлѣнными останками, не предавшимися еще однако обычному тлѣнію, хотя уже онъ былъ болѣе нежели

четверодневенъ, какъ говорила нѣкогда Марѳа о братѣ своемъ Лазарѣ, ибо протекло уже семь дней послѣ его кончины; потому и не закрыли гроба до слѣдующаго утра, чтобы народъ еще могъ съ нимъ прощаться до послѣдняго выноса въ Лавру. Все служившее духовенство, и свѣтскія власти, и почетное купечество, одинъ словомъ, все, что только уважало память великаго усопшаго, кто только цѣнилъ ту невозвратную потерю, какую понесла Церковь въ его лишеніи, собрались въ муроварную Синодальную палату на заупокойную по немъ трапезу, и самъ Великій Князь почтилъ память Святителя своимъ присутствіемъ, что бы внять краткой о немъ литіи и вкусить поднесенную ему кутью изъ рукъ старшаго Викарія Московскаго.

Памятенъ будетъ древней столицѣ торжественный выносъ ея Архипастыря на мѣсто послѣдняго его упокоенія. День былъ воскресный, но ничего радостнаго не предстояло, кромѣ горькихъ прощаній. Митрополитъ Кіевскій съ Викаріемъ Дмитровскимъ служили послѣднюю обѣдню въ Чудовѣ монастырѣ, и это былъ истинный подвигъ для священнодѣйствовавшихъ, ибо облачившись въ 8 часовъ утра въ Кремлѣ, они разоблачились только въ 6 часовъ вечера въ Лаврѣ, и не оскудѣли на этомъ подвигѣ старческія силы Кіевскаго Святителя, ради благоговѣйной любви его къ усопшему. Трогательное слово встрѣтило гробъ Архипастыря при внесеніи его въ каѳедральную обитель Чудова, трогательное же слово и

проводило его на этомъ послѣднемъ выносѣ, ибо неумолкали краснорѣчивыя уста пресвитеровъ столицы для воздания должной хвалы доброму ихъ Пастырю; и если собрать во едино весь этотъ цвѣтъ духовнаго краснорѣчія, это былъ бы благоуханный вѣнокъ на гробъ почившаго Святителя.

„Вѣримъ, что мы не разлучаемся съ тобою, святой нашъ Архипастырь", сказалъ, прощаясь съ нимъ, тронувшій всѣхъ до глубины сердца витія: „но какъ прежде временно ты оставлялъ градъ сей для того, что бы въ уединеніи болѣе имѣть свободы пещись о благѣ ввѣренной тебѣ Церкви, окрыляя духъ молитвою при гробѣ великаго угодника Божія Сергія; такъ и нынѣ, когда тѣломъ грядешь ты для упокоенія въ земной обители, духъ твой, всегда парившій выше земли и времени, напутствующій слезными молитвами многихъ и многихъ тысячъ людей, несомнѣнно устремляется къ небесной и вѣчной обители Преподобнаго, откуда благоговѣющая предъ тобою паства ожидаетъ твоихъ непрестающихъ молитвъ и твоего святительскаго благословенія."

Еще накануѣ усердные граждане Московскіе просили Генералъ-Губернатора нести на рукахъ до самой Лавры усопшаго своего Архипастыря, и было для сего представлено до двухъ тысячъ подписокъ: но, по благоразумному совѣту опытнаго Намѣстника Лавры, отклонено было такое всенародное шествіе, которое, кромѣ продолжительности времени, не могло бы обойтись безъ нѣкоторыхъ затрудненій на про-

тяженіи столь долгаго пути. Рѣшено было, по его же предложенію, открыто везти тѣло на особомъ поѣздѣ желѣзной дороги, и ничего лучше нельзя было придумать, ибо это погребальное шествіе было свыше всякаго слова. Однако, въ утѣшеніе народу, дозволено было выборнымъ людямъ нести драгоцѣнный для нихъ гробъ до самой станціи желѣзной дороги. Его только вынесли изъ стѣнъ Кремля Архимандриты до Казанскаго собора, гдѣ послѣ литіи приняль его на свои руки народъ. Великій Князь и всѣ бывшіе съ нимъ верхомъ провожали гробъ. Предъ всѣми обителями и церквами совершались обычныя литіи; многіе дома, и частные и казенные, были завѣшаны траурными покрывалами. Уже не заунывный перезвонъ, какъ во время перваго выноса съ Троицкаго подворья въ Чудовъ монастырь, тихо раздавался отъ церкви до церкви; но вся Москва стопала слитнымъ гуломъ тысячи своихъ колоколовъ, и это былъ *великій* надгробный плачъ цѣлой столицы. Послѣдняя литія совершилась, когда поставили гробъ на возвышенную площадку между готовыхъ двинуться въ путь вагоновъ; онъ былъ осѣненъ хоругвями и всѣми знаменіями святительскаго сана. Родныя иконы усопшаго, съ крестомъ его, стояли во главѣ; предъ нимъ читали Евангеліе, какъ бы внутри храма, и сонмъ священнослужителей въ черныхъ облаченіяхъ, предводимый неизмѣнно вѣрнымъ своему отцу, Намѣстникомъ Лавры, стоялъ вокругъ гроба, не смотря на непогоду и крупно падающій снѣгъ. Никто, отъ внут-

ренней скорби, не чувствовалъ внѣшняго холода. Тихо тронулось шествіе.

Никогда подобный поѣздъ не двигался по желѣзному пути: огненные пары медленно влекли за собою рядъ траурныхъ вагоновъ, наполненныхъ священнослужителями въ облаченіяхъ. Шесть Архіереевъ и болѣе двадцати Архимандритовъ и Пресвитеровъ, какъ служили они въ обители Чудовой, или какъ шли крестнымъ ходомъ изъ Кремля, такъ продолжали шествіе свое и чугунною стезей до послѣдняго его предѣла въ Лаврѣ. Не умолкало пѣніе ликовъ, ни чтеніе Евангелія предъ гробовымъ амвономъ, не преставало и священнослуженіе подъ открытымъ небомъ. Народъ стекался по сторонамъ поклониться грядущему на вѣчный покой въ свою Лавру; кто не успѣвалъ добѣжать до завѣтной черты, по которой скользило это чудное, какъ бы не земное видѣніе, тотъ издали поклонялся ему до земли, напутствуя молитвой. Въ виду церкви села Мытищъ остановился поѣздъ; клиръ церковный вышелъ къ нему на встрѣчу, при большомъ стеченіи народа; вышли и всѣ Архіереи и священнослужители изъ вагоновъ, что бы совершить литію около гроба, и тоже дѣйствіе повторилось предъ дѣвичьимъ монастыремъ Хотькова.

Уже смеркалось; вся многолюдная обитель иноковъ стояла у дороги, со свѣчами въ рукахъ, ожидая печальнаго поѣзда; умилительно запѣли онѣ ирмосы великаго канона покаянія: „Помощникъ и покрови-

тель быть мнѣ во спасеніе,“ и стройное сіе пѣніе продолжалось во все время прощанія, ибо каждая инокиня хотѣла приложиться ко гробу Архипастыря. Отсюда, уже около сего гроба, сталъ старшій Викарій на послѣднюю стражу своего Владыки до самой Лавры. Тамъ ожидала еще одна торжественная встрѣча и самая великолѣпная. Вся Лавра подвигалась въ срѣтеніе своему Настоятелю; толпами народными усѣянъ былъ путь отъ станціи до Святыхъ воротъ, и весь онъ горѣлъ огнями во мракѣ, на разстояніе болѣе версты. Ярко свѣтили высокіе фонари и свѣщники вокругъ несомаго гроба, надъ которымъ вѣяли, при ихъ необычайномъ сіяніи, раздуваемыя вѣтромъ хоругви; у всей братіи возжены были въ рукахъ свѣчи, и это огненное шествіе волнообразно спускалось во глубину Пятницкаго оврага, гдѣ была еще литія предъ древнею церковію, и потомъ опять подымалось въ гору ко Святымъ вратамъ. Горѣла огнями и вся внутренность Лавры, какъ бы для нѣкоего торжества. Ахъ, она въ послѣдній разъ принимала въ завѣтную ограду своего Священноархимандрита, котораго еще такъ недавно отпустила живымъ,—уже грядущаго къ ней на вѣчный покой; и не странно ли -самое это торжество смерти не имѣло ничего мрачнаго, по теплому вѣрованію въ обѣтованіе Господне: „что отшедшій препелъ уже отъ смерти въ животъ.“

Часъ спустя благовѣстъ возвѣстилъ начало заупокойной всенощной въ Троицкомъ соборѣ, гдѣ былъ

поставленъ гробъ подъ родственною сѣнію мощей преподобнаго Сергія, какъ онъ стоялъ и въ Чудовѣ подъ сѣнію великаго Святителя Алексія. Во всю ночь отверсты были царскія врата и ярко горѣли разноцвѣтныя лампады хороса и всѣхъ паникадилъ и толпились усердные молитвенники, внимая чтенію Евангелія у гроба. Такъ много было желавшихъ проститься съ усопшимъ Владыкой, что еще на день было отложено погребеніе, хотя и съѣхались для него на слѣдующее утро всѣ гражданскія власти столицы. Воздадимъ должную похвалу ихъ усердію. Благородный начальникъ древней столицы, основанной нѣкогда его предкомъ, отъ самаго дня кончины Святителя и до преданія его въ нѣдра земли, какъ нѣжный сынъ, не отходилъ отъ его гроба, на всѣхъ церковныхъ службахъ, сопутствуя ему вездѣ и во время перенесенія въ Кремль и изъ Кремля; онъ тѣмъ пріобрѣлъ себѣ общую любовь, ибо намъ близки по сердцу тѣ, которые сочувствуютъ нашему горю.

Когда, на другое утро, пошелъ я къ ранней обѣднѣ въ церковь преподобнаго Никона, и хотѣлъ зайти въ соборъ что-бы приложиться къ святымъ мощамъ и поклониться еще гробу Архипастыря, меня поразилъ въ дверяхъ церковныхъ, стихъ читаемаго Евангелія отъ Луки: *воистинну человѣкъ сей праведенъ бѣ.* Я невольно остановился и слушалъ далѣе всю умилительную повѣсть погребенія Господня, и какъ благочестивыя жены, уготовавшія ароматы *по заповѣди умолчаша въ субботу.* (Лук. XXIII).

Трогательно было то, что сію раннюю, заупокойную литургію служили одни лишь родственники покойнаго Владыки, семь священниковъ и четыре діакона, и конечно, тепла была ихъ молитва объ усопшемъ. Соборное служеніе Митрополита, съ тремя Архіереями, ознаменовало и сей девятый день усопшаго! но уже отложены были черныя ризы, и въ голубыхъ облаченіяхъ, знаменующихъ отрадную надежду, совершена была торжественная литургія. Ректоръ Виоанскій произнесъ надгробное слово, которое оканчивалось воззваніемъ къ самому усопшему о молитвенномъ ходатайствѣ за ввѣренную ему церковь. Послѣ панихиды всѣ собрались въ готическую великолѣпную трапезу, гдѣ такъ часто предсѣдательствовалъ самъ Владыка, во дни празднествъ преподобнаго Сергія, одушевляя ее тихою, мудрою своею бесѣдой, такъ однако, что слышно было каждое слово изъ читаемаго житія, ибо никто не смѣлъ предъ нимъ возвышать голосъ, не смотря на многолюдство трапезующихъ. Тяжко было, при концѣ оной, слышать возглашаемую, подъ тѣми же сводами, вѣчную ему память; невольно вырывались слезы и не хотѣлось вѣрить горькой утратѣ, даже и въ его отсутствіи, ибо мы уже отвыкли видѣть святаго старца въ послѣдніе годы на сихъ торжествахъ; казалось онъ еще у себя въ келліяхъ, но келліи были пусты! Иной духовной трапезы онъ уже пріобщился въ невечернемъ днѣ царствія Христова. Опять заупокойная всенощная заключила и этотъ печальный день предъ его погребеніемъ.

Насталъ, наконецъ, этотъ послѣдній день; Соборъ Архіереевъ и Архимандритовъ совершалъ погребеніе со всѣми священниками Лавры: не было ничего чернаго въ облаченіяхъ и утвари: всѣ были въ бѣлыхъ ризахъ, напоминавшихъ тѣ, въ которыя облекутся убѣлившіе ихъ въ крови Агнчей, ибо они служать предъ престоломъ Божіимъ день и ночь, въ Церкви его, и самъ Агнецъ упасетъ ихъ и отъиметъ всякую слезу отъ очей ихъ. (Апок. VII. 14—17.) Не таковъ ли былъ и тотъ усопшій, для котораго сопелся весь духовный Соборъ сей. Во время причастнаго сказано было о немъ еще трогательное слово, заимствованное частію изъ собственной его проповѣди, которую онъ произнесъ нѣкогда въ Лаврѣ при обновленіи храма преподобнаго Михея. Мы слышали тогда это, одушевленное высокою поэзіей, слово, и плакали отъ избытка чувствъ; плакали и теперь, внимая его отголоску, и голосъ самаго проповѣдника прерывался отъ рыданій. Но еще одно сильное слово должно было огласить храмъ въ ту минуту, когда уже хотѣли поднять изъ среды его драгоцѣнный всѣмъ кивотъ, за который каждый готовъ былъ ухватиться, что бы удержать его хотя на краткое время еще между нами.

Отче, отче! колесница Израилева, и конница его! такъ воззвалъ нѣкогда, въ изумленіи и скорби, Пророкъ Елисей, видя внезапно, что огненная колесница уноситъ на небо его великаго учителя, Пророка Илію. Отче, отче! возгласилъ, въ порывѣ сердеч-

ной скорби, и воспитанный подъ кровомъ Лавры и Святителя, блюститель юношества духовной Академіи, когда всѣ мы готовы были уже проститься съ общимъ сокровищемъ нашимъ. Въ краткихъ, но сильныхъ чертахъ, изобразилъ онъ высокія разнообразныя достоинства великаго усопшаго и заключилъ столь же краснорѣчивымъ воззваніемъ: „*Отче, отче, колесница Израилева, и конница его!* (4 царствъ 11. 12). Церковь Израильская лишаясь, въ чудно-восхитительномъ Пророкѣ, мощной силы духовной, имѣла по крайней мѣрѣ утѣшеніе видѣть неполнившимся желаніе другаго Пророка, которое выразилъ онъ восхищаемому: *да будетъ духъ, иже въ тебѣ, сугубъ во мнѣ.* Дерзнемъ ли и мы, при гробѣ восхищеннаго отъ насъ, молить о подобномъ утѣшеніи?... Аще волиши наказуя наказати насъ въ грѣхахъ нашихъ, Господи,—да будетъ воля Твоя! Молимъ токмо, наказуй насъ не на мнозѣ. Аще же обрѣтохомъ благодать предъ Тобою, дерзновенно молимъ Тя, да не оскудѣетъ отъ насъ мужъ силы, мужъ подвига, мудрости и ревности по вѣрѣ!“

Тронулось опять надгробное шествіе, что-бы довершить послѣдніе свои шаги. Черными въ трауръ, вступило оно, за день предъ симъ, въ соборъ Троицкій; свѣтлымъ въ бѣлыхъ ризахъ, выступило изъ него съ драгоцѣнною своею ношею. Мимо святыхъ мощей преподобнаго Сергія, въ южныя двери, пробитыя нѣкогда Литовскимъ ядромъ, по ступенямъ Маковца спустилось оно, мимо раки преподобнаго Никона и

великаго защитника Лавры, Діонисія, почіющаго въ бывшей келліи Сергіевой, и тутъ при выходѣ, въ виду многолѣтняго жилища самаго усопшаго была опять литія. Вокругъ Троицкаго собора обнесли бывшаго Священноархимандрита Лавры, во взаимное молитвенное ихъ утвержденіе, и тогда только направились къ послѣднему пріюту, который самъ онъ себѣ назначилъ. Въ обители Геосимапской, гдѣ было любимое мѣсто его безмолвія, избралъ онъ сперва себѣ мѣсто упокоенія. „Се покой мой, здѣ вселюся,“ псаломски говорилъ онъ самъ себѣ; но церковь Вселенская вызвала его, всенароднымъ гласомъ его юбилея, изъ столь уединеннаго пристанища на самое поприще славныхъ его дѣяній, въ сердце Лавры, ибо тутъ, на мѣстѣ ихъ подвига, должны отдыхать ея подвижники.

По благословенію самого Владыки, былъ пристроенъ къ церкви сошествія Святаго Духа, которую сооружилъ царь Іоаннъ послѣ взятія Казани, малый придѣлъ во имя милостиваго Филарета; а въ память юбилея должны были собрать въ немъ всѣ святыя иконы, которыя были поднесены виновнику вселенскаго, можно сказать, торжества, любовію и благоговѣніемъ всей Россіи, въ этотъ славный день его жизни и Православія. Самъ онъ, изъ окопъ домовой своей церкви, смотрѣлъ, какъ полагали первый камень его послѣднему пріюту, ибо не былъ въ силахъ положить его своею рукою и, предъ своимъ выѣздомъ изъ Лавры, имѣлъ утѣшеніе видѣть, что уже

поставленъ крестъ надъ крышею новаго придѣла. Внутри его, у праваго клироса, приготовлена была изъ бѣлаго камня, скромная небольшая могила для столь великаго мужа, и въ ней дубовый гробъ, въ который былъ опущенъ кипарисовый, при пѣніи послѣднихъ заупокойныхъ гимновъ и памяти вѣчной; и въ этомъ духовномъ вертоградѣ онъ почіетъ до свѣтлаго радостнаго утра.

Но какъ знаменательно мѣсто его покоя! По лѣвую его сторону, въ другомъ придѣлѣ того же храма, почиваетъ ученый труженикъ Максимъ Грекъ, не менѣе кого потрудился великій Святитель для изъясненія догматовъ и самыхъ писемъ древнихъ церковныхъ книгъ; по правую, въ особой церкви, имъ же освященной, смиренный ученикъ Сергіевъ, Михей, которому не уступалъ въ усердіи и любви къ общему ихъ великому учителю. Предъ лицемъ его, подъ сѣнію соборной, оба преподобные настоятели Лавры, Сергій и Никонъ, которыхъ такъ часто призывалъ въ своихъ молитвахъ, стараясь подражать ихъ дѣяніямъ; а тамъ, гдѣ было предсмертное видѣніе святому Сергію, три иныхъ подвижника его Лавры, Діонисій, Іоасафъ и Сераніонъ,—ибо всѣ Радонежскіе Чудотворцы здѣсь собраны вкупѣ! Кто только пойдетъ отъ нетлѣнныхъ мощей преподобнаго Сергія, поклонившись священнымъ ракамъ его учениковъ, тотъ неминуемо зайдетъ и къ послѣднему изъ нихъ по времени, Филарету, и надъ его свѣжею могилою помолится о немъ и вмѣстѣ съ нимъ о томъ, что было

всегда такъ близко его святительскому сердцу. „О мирѣ всего міра, благостояніи святыхъ Божіихъ Церквей и соединеніи всѣхъ.“

И рыдаша его рыданіемъ великимъ и крѣпкимъ зѣло, говоритъ священный Бытописатель о древнемъ Патріархѣ Іаковѣ, *и сотвори* Іосифъ *плачь отцу своему седмь дней, обонъ полъ Іордана: сего ради нарекеся имя мѣсту тому: плачь Египетскъ.* [Бытія L, 10, 11.] Такъ, на берегу Іордана оплакивали и самаго Моисея сыны Израилевы *тридесять дней: и скончашася дніе плача сѣтованія о Моисеи, и не воста кто-му пророкъ во Израили якоже Моисей....* [Второзаконія XXXIV. 8, 10.]

Изъ книгъ Іером. Иларіона

БИБЛІОТЕКИ
Оптиной Пустыни
ОТД. 6. № 706

СКАЗАНІЕ

О

ЖИЗНИ И ПОДВИГАХЪ БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ

СТАРЦА

СХИ-АРХИМАНДРИТА

ИЛІОДОРА,

ПОДВИЗАВШАГОСЯ ВЪ ГЛИНСКОЙ ПУСТЫНИ.

ПУСТЫННАЯ КЕЛІЯ СТАРЦА ИЛІОДОРА

К. В. М. Іеромонаха Іассона.

правильно: Иассон.

МОСКВА.
Типографія И. Ефимова, Большая Якиманка, д. Смирновой.
1887.

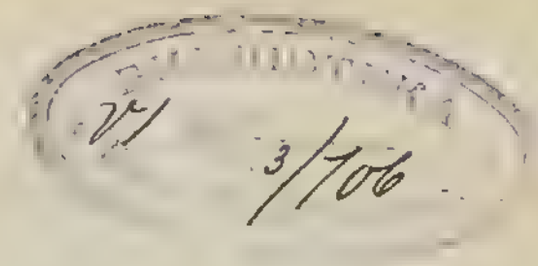
Дом. 6 № 706

Отъ Московскаго духовно - цензурнаго Комитета, печатать дозволяется. Москва. Января 19 дня, 1887 года.

Цензоръ Протоіерей *Сѵмеонъ Вишняковъ.*

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

2786-07



Приступая къ краткому „сказанію о жизни блаженныя памяти старца схи-Архимандрита Пліодора“, я считаю своимъ долгомъ объяснить, какимъ образомъ и по какимъ побудительнымъ причинамъ составлено мною это „сказаніе.“

Старецъ схи-Архимандритъ Пліодоръ подвизался въ иночествѣ 65-ть лѣтъ. Своею опытностію, добродѣтельною жизнію и духовными дарованіями онъ извѣстенъ былъ далеко и за предѣлами обители, въ которой подвизался. Многіе и изъ монашествующей братіи, и изъ мірянъ обращались къ старцу за совѣтами, пользовались его назидательными бесѣдами и потому для нихъ память его очень дорога.

Проживъ при немъ 16 лѣтъ, я имѣлъ къ нему самыя близкія духовныя отношенія, какъ къ своему духовному и воспріемному отъ св. Евангелія отцу. Часто я ему прислуживалъ и пользовался его любовію, посему я имѣлъ возможность видѣть текущіе достохвальные его подвиги и дѣла и слышать изъ его устъ о прошедшихъ. Имѣя къ нему полное довѣріе и любовь, я старался напечатлѣть въ своей памяти всѣ его дѣянія и все то, что мнѣ довелось не разъ слышать отъ него. Опасаясь, что съ теченіемъ времени многое можетъ изгладиться изъ моей памяти, я еще при жизни старца, не мудрствуя лукаво, началъ записывать для себя то, что мнѣ казалось въ какомъ нибудь отношеніи замѣчательнымъ. Признаюсь, что дѣлалъ это я секретно отъ старца, опасаясь, чтобы онъ не узналъ; въ противномъ случаѣ онъ по своему смиренію, думаю, приказалъ бы мнѣ уничтожить мои записки. Такимъ образомъ у меня составилось довольно матеріала, неподлежащаго для меня никакому сомнѣнію.

Послѣ смерти старца нѣкоторые изъ его учениковъ и по-

читателей, узнавъ, что я записывалъ разсказы старца Иліодора, обратились ко мнѣ съ просьбою о томъ, чтобы я подѣлился съ ними тѣмъ, что имѣю и что для нихъ можетъ быть дорогимъ напоминаніемъ о старцѣ. Исполняя желаніе собратій, я рѣшился въ простотѣ сердца издать сію книжку, въ которую входитъ только часть находящагося у меня матеріала, причемъ я предполагаю, если будетъ угодно Господу, составить и болѣе подробное „сказаніе“, въ которомъ имѣютъ быть помѣщены его наставленія, совѣты и другія подробности его жизни.

При этомъ я считаю долгомъ своимъ обратиться къ тѣмъ, кто имѣлъ къ старцу тѣ или другія отношенія. Если таковые найдутъ что либо замѣчательное въ своихъ отношеніяхъ къ старцу и пожелаютъ пріобщить имъ извѣстное къ имѣющемуся у меня матеріалу, то благоволятъ обращаться съ дорогими для меня сообщеніями въ Курскъ, въ Знаменскій монастырь, къ іеромонаху Іассону.

І. І.

СХИ-АРХИМАНДРИТЪ

ИЛІОДОРЪ

литог. А.Я. Зеленкова, Москва

СТАРЕЦЪ
схи-Архимандритъ Пліодоръ.

Родиною схи-Архимандрита Пліодора было село Староселье, Черкасскаго повѣта (уѣзда), Кіевской губерніи. Отецъ его Ѳеодоръ Головацицкій былъ священникомъ въ названномъ селѣ; имя его матери—Евдокія. Священникъ Головацицкій имѣлъ еще и старшихъ дѣтей,—старшаго сына Іакова и дочь Зиновію, за которыми въ 1795 году родился сынъ, нареченный во св. крещеніи Іоанномъ (въ послѣдствіи схи-Архимандритъ Пліодоръ). Годы младенчества Іоаннъ прожилъ въ домѣ своихъ родителей, которые воспитывали его въ страхѣ Божіемъ. 11-ти лѣтъ отъ роду, послѣ обычной домашней подготовки, отрокъ Иванъ Головацицкій былъ отправленъ въ Кіевскую семинарію, гдѣ въ то время старшій братъ его Іаковъ занималъ уже должность учителя. 16-го сентября 1806 года, Иванъ Головацицкій былъ принятъ въ Кіевскую семинарію, въ низшихъ классахъ которой (въ риторикѣ) онъ съ прилежаніемъ учился латинской грамматикѣ, поэзіи, латинской и русской риторикѣ, греческому и нѣмецкому языкамъ, исторіи и географіи, проходя означенныя науки съ успѣхомъ „препохвальнымъ“ при честномъ поведеніи, какъ значится въ его аттестатѣ.

Но не посчастливилось Ивану Головацицкому въ Кіевской семинаріи: братъ его Іаковъ, какъ откровенно въ послѣдствіи разсказывалъ намъ старецъ Пліодоръ, былъ не прочь отъ веселой и разсѣянной жизни и имѣлъ друзей небезукоризненной нравственности. Это обстоятельство и само по себѣ крайне печалило скромнаго и благоговѣйнаго юношу Іоанна, а тѣмъ болѣе, что оно неблагопріятно отзывалось на внѣшнемъ его благосо-

стояніи. Деньги, посылаемыя отцемъ на содержаніе Іоанну чрезъ руки и на имя Іакова, какъ старшаго брата, не попадали Іоанну, и ему приходилось терпѣть крайнія нужды. Поэтому Іоаннъ вынужденъ былъ обращаться къ брату съ просьбами и увѣщаніями, направляемыми къ тому, чтобы исправить брата. Но это не привело ни къ чему доброму: братскіе благожелательные совѣты Іоанна казались Іакову неумѣстными и оскорбительными замѣчаніями и раздражали его гнѣвъ противъ Іоанна; дѣло дошло до того, что онъ возненавидѣлъ его и старался при всякомъ удобномъ случаѣ оскорблять его; въ должности учителя ему конечно удобно было наносить обиды брату—ученику. Іоаннъ все терпѣливо сносилъ отъ брата въ надеждѣ, что тотъ наконецъ одумается и исправится; но исправленія не было, а ненависть Іакова, по видимому, развивалась все болѣе и болѣе. Такъ, однажды братъ Іаковъ привелъ на квартиру Іоанна четырехъ сильныхъ учениковъ и приказалъ имъ схватить Іоанна и бить его; но послѣднему удалось благополучно убѣжать и скрыться. Тогда-то Иванъ Головацицкій наконецъ убѣдился въ томъ, что ему невозможно болѣе оставаться въ семинаріи; онъ рѣшился оставить семинарію и поступить въ военную службу и намѣреніе свое привелъ въ исполненіе. Въ 1813 году онъ принятъ былъ на правахъ вольноопредѣляющагося въ число юнкеровъ и зачисленъ въ Нижегородское ополченіе. Ополченіе это командировано было за границу по слѣдамъ бѣжавшихъ изъ Россіи французовъ. Туда же послѣдовалъ и Иванъ Головацицкій. Въ этомъ походѣ ему пришлось побывать во многихъ мѣстахъ, многое встрѣтить, многое испытать, о многомъ подумать. Все наблюдаемое имъ въ концѣ концовъ привело къ убѣжденію въ суетности сей жизни; чистая благочестивая душа его требовала духовнаго удовлетворенія, и онъ рѣшилъ въ своемъ сердцѣ посвятить остальные дни жизни исключительно на служеніе Богу.

По окончаніи войны въ 1814 году нѣкоторыя войска, въ томъ числѣ и Нижегородское ополченіе, возвратились въ Россію.

Того же года 28 октября было предписано распустить Нижегородское ополченіе; а 12 марта 1815 года Иванъ Головацкій, какъ вольноопредѣляющійся, получилъ чистую отставку и аттестатъ, одобряющій его поведеніе и тщаніе по службѣ.

Освободившись совершенно отъ военной службы, Головацкій возвратился въ Кіевъ съ размышленіями о томъ, какъ лучше всего устроить жизнь свою, чтобы угодить Господу Богу. Онъ часто ходилъ во св. Лавру на поклоненіе преподобнымъ угодникамъ печерскимъ, нетлѣнно почивающимъ во св. пещерахъ; любилъ также посѣщать уединенныя мѣста надъ рѣкою Днѣпромъ, гдѣ, скрывшись отъ суеты мірской, развлекающей умъ, онъ сосредоточенно и усердно молился о томъ, чтобы Господь указалъ ему и помогъ обрѣсти надлежащій путь жизни. Ему хотѣлось поступить въ монастырь; но уединенная жизнь еще болѣе нравилась ему: предъ его глазами были св. пещеры съ ихъ благодатными, неземными сокровищами. Этимъ-то образцамъ святой жизни и стремилась послѣдовать чистая благочестивая душа Іоанна. Пылая ревностію къ подвигамъ, Іоаннъ не разсуждалъ много о томъ, какъ труденъ для молодаго человѣка этотъ путь; онъ надѣялся на помощь Божію и окончательно рѣшился уединиться для молитвы и для подвиговъ. Въ этихъ видахъ онъ избралъ уединенное пустынное мѣсто, гдѣ, въ оврагѣ, выкопалъ для себя пещеру. Когда пещера была уже готова, Іоаннъ нисколько не медля, взявши съ собою лишь то, что было необходимо для жизни, переселился въ нее на жительство. Но въ первую же ночь, какъ онъ самъ разсказывалъ намъ, онъ былъ пораженъ страшными бѣсовскими привидѣніями. Не будучи приготовленъ къ борьбѣ съ невидимымъ врагомъ человѣческаго спасенія, онъ не выдержалъ наведеннаго на него ужаса и среди ночи оставилъ свою пещеру. Тогда онъ самымъ дѣломъ позналъ, что подвижническая жизнь требуетъ обученія тому, какъ противустоять *козньмъ діаволъскимъ*. Поэтому онъ рѣшился поступить прежде всего въ монастырь и поступилъ именно въ Кіевскую Лавру. Здѣсь онъ былъ опредѣленъ снача-

ла на послушаніе въ клюшню, а чрезъ нѣсколько времени былъ взятъ въ келейники Намѣстникомъ Антоніемъ (въ послѣдствіи Епископъ Воронежскій).

Однако въ Кіевской Лаврѣ Іоаннъ прожилъ недолго. Его душѣ, ищущей сосредоточеннаго молитвеннаго уединенія, не соотвѣтствовала въ Лаврѣ нѣкоторая суета, какая бываетъ неизбѣжно соединена съ большимъ стеченіемъ народа. Къ тому же вблизи Лавры находились его родственники, которые своими посѣщеніями могли такъ или иначе смущать сердечный покой еще неопытнаго въ духовной жизни послушника. Это однажды даже и случилось. Его посѣтили мать и старшій братъ Іаковъ. Они увидѣли его какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ, одѣтый въ сѣрую свиту, вмѣстѣ съ другимъ послушникомъ несъ на плечахъ ушатъ съ водою. Брату Іакову Головацицкому видимо не понравилось такое послушаніе Іоанна, и онъ насмѣшливо сказалъ ему: „ты, братъ, кажется, въ каторгу попалъ“. Іоаннъ смиренно смолчалъ, но въ душѣ своей рѣшился оставить Кіевскую Лавру и поселиться гдѣ либо въ уединенной пустынѣ, вдали отъ всякой суеты, и такъ, чтобы родственники его не знали о мѣстѣ его жительства.

Въ то время славилась Софроніева пустынь. Незадолго предъ тѣмъ почившій старецъ Ѳеодосій, бывшій другомъ и сопостникомъ старца Паисія Величковскаго, поставилъ Софроніеву пустынь на высокую степень совершенства, образовавъ въ ней строгихъ подвижниковъ. Ученики Ѳеодосія, какъ и ученики Паисія отличались строгимъ подвижничествомъ въ трезвеніи и молитвѣ, и слава о нихъ распространилась далеко за предѣлы обители. Іоаннъ Головацицкій, еще будучи въ Лаврѣ, многое слышалъ о славной Софроніевой пустыни. Поэтому, когда онъ оставилъ Лавру, то и направился въ Софроніеву пустынь. Съ нимъ вмѣстѣ согласился идти товарищъ его, нѣкто по имени Владиміръ, тоже бывшій юнкеръ и также поступившій въ Кіевскую Лавру въ число братіи. На дорогѣ въ Софроніеву пустынь съ названными путешественниками случилось

странное обстоятельство, которое самъ старецъ Иліодоръ (онъ же Іоаннъ) объяснялъ бывшее діавольскимъ навожденіемъ. Обстоятельство заключалось въ слѣдующемъ:

На пути догоняетъ ихъ какой-то проѣзжающій помѣщикъ, останавливаетъ ихъ и начинаетъ спрашивать, откуда они и куда идутъ. Іоаннъ отвѣчаетъ, что идутъ изъ Лавры въ Софроніеву пустынь. Помѣщикъ началъ горячо увѣрять ихъ, что Софроніевой пустыни нигдѣ не существуетъ. „Я вотъ", говорилъ помѣщикъ, „ѣзжу по всѣмъ россійскимъ монастырямъ, а о Софроніевой пустыни ничего никогда не слышалъ. Совѣтую вамъ возвратиться въ Лавру". Іоаннъ, конечно, продолжалъ настаивать на томъ, что Софроніева пустынь несомнѣнно существуетъ. „Во время разговора съ помѣщикомъ", разсказывалъ старецъ Иліодоръ, „я взглянулъ на кучера и ужаснулся: лицо его было мрачное, борода черная и лохматая, а глаза, какъ горящія свѣчи; взглядъ его былъ устремленъ на меня и до того свирѣпъ, что я невольно задрожалъ и старался отвращаться отъ него, чтобы не видѣть ужаснаго выраженія лица этого страшилища".—Однако помѣщикъ не могъ разувѣрить Іоанна въ истинѣ и въ заключеніе сказалъ: „не вѣрите, какъ знаете, но только Софроніевой пустыни нигдѣ не найдете, такъ какъ ея не существуетъ". Сказавши эти слова, помѣщикъ крикнулъ кучеру „пошелъ"; кучеръ гикнулъ, лошади понеслись, но не проѣхавъ и пяти саженей экипажъ сдѣлался невидимъ и все исчезло. „Оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, разсказывалъ старецъ, я взглянулъ на товарища, и что же я вижу? Онъ стоитъ противъ меня и держитъ въ упоръ противъ груди свою палку съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, намѣреваясь пронзить меня остріемъ. Видъ его былъ страшенъ, онъ весь трясся отъ гнѣва, скрежеталъ зубами и пеистово кричалъ на меня: „куда ты меня ведешь"? Видя опасность, я бросился бѣжать въ сторону, Владиміръ погнался за мною. Бѣжать мнѣ было невозможно, такъ какъ время было зимнее. Я долженъ былъ остановиться и сталъ уговаривать Владиміра оградить себя крестнымъ

знаменіемъ, но онъ въ ярости не обращалъ ни на что вниманія и продолжалъ наступать на меня. Тогда я поднялъ свою руку и положилъ противъ него на воздухѣ крестное знаменіе, съ произнесеніемъ словъ: „во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь“. Моментально, какъ бы выбившись изъ силъ, онъ остановился, опустивъ палку и блуждая глазами. „Перекрестись“, говорю ему; онъ перекрестился и началъ приходить въ себя. „Посмотри-ка, говорю ему, гдѣ тотъ помѣщикъ?“ Надо замѣтить что дорога была совершенно ровная, такъ что можно было видѣть проѣзжающаго на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, но рѣшительно ничего не было видно. И все это произошло въ нѣсколько минутъ. „Не видишь ли теперь, продолжаю я говорить Владиміру, что въ образѣ помѣщика явился намъ искуситель рода человѣческаго, чтобы смутить насъ“? „Да, сказалъ онъ, я самъ вижу, что это былъ діаволъ“. Оградившись крестнымъ знаменіемъ, мы продолжали путь далѣе. Почти всю дорогу до слѣдующаго ночлега мы шли молча. Но когда достигли ночлега и расположились ночевать, мнѣ захотѣлось спросить Владиміра, что онъ думалъ сдѣлать со мною, послѣ разговора моего съ помѣщикомъ. „Не знаю самъ, сказалъ онъ въ отвѣтъ, что со мною сдѣлалось; но я на столько озлобился на тебя, что, сознаюсь откровенно, рѣшился было убить тебя и зарыть въ снѣгу“.

Оба товарища наконецъ достигли Софроніевой пустыни и были приняты въ число братіи настоятелемъ пустыни Архимандритомъ Варлаамомъ. Іоанну назначено было послушаніе въ трапезѣ и на клиросѣ. Пребываніе Іоанна въ этой пустыни сопровождалось благодѣтельными для него послѣдствіями. Исполняя ревностно всѣ возлагаемые на него труды, онъ въ тоже время внимательно присматривался къ добродѣтелямъ и къ правиламъ жизни строгихъ подвижниковъ. Отъ нихъ онъ впервые услышалъ и уразумѣлъ, что отъ монаха требуются не одни тѣлесные подвиги и труды, но и внутреннія дѣланія въ вертоградѣ сердца своего; получилъ онъ много и другихъ настав-

леній и совѣтовъ. По недолго ему пришлось жить въ Софроніевой пустыни. Онъ вынужденъ былъ оставить ее по той причинѣ, что ему было назначено несоотвѣтственное его характеру и душевнымъ стремленіямъ послушаніе. Какъ новоначальнаго, его послали на хуторъ, называемый Пселъ, находящійся въ Сумскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи. На хуторѣ этомъ имѣется большое количество лѣса, который братія обязаны ежедневно обходить кругомъ и оберегать отъ порубки окольныхъ жителей—крестьянъ, которые постоянно воровали. Собравшись иногда большою партіею воры нагло пріѣзжали за добычей, большею частію въ ночное время. Тогда и оберегающимъ лѣсъ грозила отъ нихъ большая опасность; были случаи, что нѣкоторые изъ братіи даже платились своею жизнію. До какой степени доходила наглость и злодѣйство крестьянъ—воровъ, показываетъ слѣдующій случай, о которомъ сохранилась память среди мѣстнаго населенія: злодѣи изъ мести напали на одну келію, схватили одного монаха –старика и вывели его вонъ изъ келіи; расколовъ пень, они защемили въ расколъ бороду монаха и забили клиномъ, связавъ старику руки и оставивъ его обнаженнаго на съѣденіе комарамъ. Мѣсто то и до сихъ поръ называется „Комарь“.—Отсюда можно видѣть, что послушаніе Іоанна на хуторѣ не могло приносить мира и спокойствія его душѣ. Ему нерѣдко приходилось бывать свидѣтелемъ непріятныхъ сценъ, возмущавшихъ покой его духа; а однажды пришлось даже спасаться бѣгствомъ, когда крестьяне пустили въ ходъ топоры и колья. Положеніе Іоанна было тягостнымъ для него, онъ рѣшился оставить Софроніеву пустынь и переселиться въ Глинскую, куда въ то время на должность настоятеля былъ вызванъ изъ Софроніевой пустыни старецъ іеромонахъ, а въ послѣдствіи игуменъ, Филаретъ, ученикъ прежде упомянутаго старца Ѳеодосія, бывшаго Архимандрита Софроніевой пустыни *).

*) Въ предисловіи на книгу старца Паисія Величковскаго на стр. 17-ой объ игуменѣ Филаретѣ сказано, что онъ былъ ученикомъ старца Василія, прозываемаго Кишкинымъ.

Въ Глинской пустыни старецъ Филаретъ принялъ Іоанна съ радостію и назначилъ ему послушаніе въ хлѣбнѣ и пѣть на клиросѣ. Съ полнымъ усердіемъ Іоаннъ началъ исполнять свое послушаніе, ревностно исполняя всѣ возлагаемыя на него порученія. Трудясь тѣлеснѣ, Іоаннъ преуспѣвалъ и въ благодатной жизни духа, такъ какъ онъ имѣлъ для себя добрыхъ наставниковъ и руководителей, опытныхъ въ жизни подвижнической. Самъ старецъ Филаретъ былъ весьма бдителенъ и внимателенъ къ жизни своей братіи. Рѣдкій выпадалъ день, въ который онъ не обходилъ всѣхъ послушаній, гдѣ только трудились братія. Посѣщенія его всегда сопровождались назидательными бесѣдами, наставленіями и совѣтами. Опытный въ духовной жизни и въ борьбѣ съ искушеніями, онъ отечески —сердечно поучалъ свою братію; всѣ внимательно слушали старца и принимали къ сердцу слова его. Часто онъ говорилъ о томъ, какъ и при тѣлесномъ трудѣ надо держать свое сердце въ чистотѣ; совѣтовалъ братіи пребывать въ молчаніи и уклонятьсяся празнословія,—трудиться съ усердіемъ и держать въ умѣ непрестанную молитву къ Отцу Небесному. Онъ старался ободрить братію и въ тѣлесномъ трудѣ. „Потъ, говаривалъ старецъ, проливаемый монахомъ на послушаніи при усердномъ трудѣ, имѣетъ въ очахъ Божіихъ такое же спасительное для трудящагося значеніе, какое имѣетъ кровь, пролитая и проливаемая мучениками“. Особенное вниманіе обращалъ старецъ Филаретъ на молодыхъ новоначальныхъ изъ братіи; онъ старался въ самомъ началѣ посѣевать въ сердцахъ ихъ духовныя сѣмена, чтобы воспитать ихъ въ духѣ истиннаго подвижничества. Своею собственною жизнію старецъ поучалъ не менѣе, чѣмъ и словами. Онъ былъ строгъ къ себѣ, добръ въ сердцѣ своемъ, простъ и доступенъ для братіи: къ нему во всякое время можно было придти за совѣтомъ; всѣхъ и всегда, не исключая и ночнаго

Это несправедливо. По достовѣрному свидѣтельству схи-Архимандрита Иліодора, игуменъ Филаретъ былъ ученикомъ именно Архимандрита Ѳеодосія, настоятеля Софроніевой пустыни, откуда и взятъ былъ на настоятельство. Несправедливо и то, будто бы Филаретъ былъ Архимандритомъ; онъ и скончался въ санѣ игумена.

времени, онъ принималъ, наставлялъ, поучалъ духовнымъ бранямъ, разъяснялъ козни врага и внушалъ братіи быть бодрыми и бдительными.

Были въ то время въ Глинской пустыни и другіе строгіе подвижники, сіявшіе различными добродѣтелями и подвигами; жизнь ихъ благодѣтельно вліяла на Іоанна и не могла не увлекать его къ подражанію. Изъ нихъ съ особенною любовію и почтеніемъ старецъ Ніодоръ вспоминалъ о нѣкоторыхъ, а именно:—о духовникѣ іеромонахѣ Пахоміѣ (родомъ изъ дворянъ). Этотъ подвижникъ съ особенною строгостію относился къ своему тѣлу; при строгомъ общемъ воздержаніи, онъ имѣлъ и особенный подвигъ, именно, онъ никогда не садился ни во время церковнаго богослуженія, ни даже во время своего очень продолжительнаго келейнаго правила. Вспоминалъ нерѣдко старецъ Ніодоръ объ іеромонахѣ Василіѣ, прозываемомъ Кишкинымъ, какъ о замѣчательномъ и достойномъ подражанія подвижникѣ. Достигши совершенства въ сосредоточенной молитвѣ, этотъ старецъ старался и другихъ, обращающихся къ нему, учить такой молитвѣ, причемъ въ наставленіяхъ своихъ соблюдалъ постепенность, указывая спачала простые пріемы и средства. „Вотъ ты, братъ, сядь у стола, говоритъ старецъ Василій молодому иноку, возьмись за него рукой, большимъ пальцемъ прижимай, чтобы тебѣ чувствительно было; и туда собирай умъ, чтобы онъ не разсѣявался, и непрестанно повторяй молитву Іисусову: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго“. Ты будешь привыкать къ терпѣнію, а потомъ пойдешь и далѣе, какъ Господь укажетъ“. Нѣкоторые не понимали значенія подобныхъ наставленій. Но, какъ объяснялъ ихъ старецъ Ніодоръ, они дѣлались молодымъ инокамъ именно потому, что прежде времени нельзя было показать имъ настоящій путь сего дѣланія (молитвы). Намъ помнится разсказъ старца Ніодора объ одной своей прогулкѣ съ Василіемъ. Однажды пошли они пройтись по лѣсу. На пути встрѣтились съ ними какія-то пріѣзжія монахини и предложили имъ какой-то

вопросъ. Іоаннъ обратился къ нимъ, чтобы дать отвѣтъ; но старецъ Василій схватилъ его за руку и повернулъ спиной къ нимъ, говоря: „отвѣчай не оборачиваясь! Такъ монахъ долженъ имѣть разговоръ съ женскимъ поломъ“. Съ любовію и увлеченіемъ разсказывалъ намъ старецъ о монахѣ Ѳеодотѣ. Этотъ подвижникъ жилъ въ Глинской пустыни нѣсколько лѣтъ ранѣе прибытія туда старца игумена Филарета. Болѣе сорока лѣтъ монахъ Ѳеодотъ самоотверженно находился на братской кухнѣ, не имѣя отдѣльной келліи, покоился на кирпичномъ полу, или на кучѣ углей. Будучи человѣкомъ простымъ и неграмотнымъ, онъ въ своей простотѣ, незлобіи и другихъ добродѣтеляхъ, прикрываемыхъ подвигомъ юродства, достигъ высокихъ степеней совершенства. Видимо для всѣхъ въ немъ проявлялся благодатный даръ прозорливости. Очень многіе, какъ говорилъ намъ старецъ Иліодоръ, испытывали на себѣ исполненіе его предсказаній...

Между такими-то высокими подвижниками довелось Іоанну полагать начало иноческой жизни. Пламенѣя ревностію къ подвигамъ, онъ усиленно стремился подражать высокимъ образцамъ жизни иноческой, стараясь усвоить себѣ ихъ добродѣтели. Постоянно обращаясь къ нимъ за совѣтами, онъ почерпалъ отъ нихъ духовную мудрость и такимъ образомъ совершенствовался въ жизни по закону Божію.

Проходя послушаніе на хлѣбопекарнѣ, Іоаннъ былъ свидѣтелемъ одного испытанія, постигшаго Глинскую пустынь при строителѣ старцѣ Филаретѣ. Какимъ-то образомъ случилось, что пустынь совершенно оскудѣла хлѣбомъ, такъ что не только братіи, а и самому настоятелю пришлось довольствоваться вареной свеклой, которая и полагалась на трапезѣ вмѣсто хлѣба *). Два дня братія великодушно переносили это посѣщеніе, но на третій день нѣкоторые возмалодушествовали. Пришедши къ

*) Старецъ Иліодоръ разсказывалъ, что онъ, будучи въ то время хлѣбопекаремъ, обыскивалъ углы пекарни, не завалился ли гдѣ какой плесневый сухарь, и если находилъ таковой, то размачивалъ его и подкрѣплялся.

строителю Филарету, они выражали желаніе оставить его обитель и просили напутственнаго благословенія. Понятно, какъ горестно было настоятелю выслушивать такое желаніе братіи. По разсказамъ старца Піодора, настоятель, обычно непоколебимый крѣпостію духа, какъ только увидѣлъ предъ собою любимую имъ братію, готовымъ оставить его обитель,—зарыдалъ рыданіемъ человѣка, поистинѣ растерзаннаго въ сердцѣ. Стоя предъ братіею, онъ указывалъ на икону Пресвятыя Богородицы и съ плачемъ уговаривалъ братію потерпѣть еще нѣсколько времени, увѣряя, что Божія Матерь, на Которую онъ имѣетъ твердое упованіе, скоро подастъ имъ Свою помощь. Братія, выслушавъ такое слезное своего настоятеля увѣщаніе, разошлись по келліямъ. На слѣдующую ночь, т. е. уже подъ четвертый день *) пришелъ большой обозъ, въ 28 или 30 возовъ муки, пожертвованной неизвѣстнымъ помѣщикомъ.

Чрезъ два года послѣ поступленія Іоанна въ Глинскую пустынь, онъ былъ постриженъ въ рясофоръ старцемъ Филаретомъ, и въ постриженіи получилъ имя Іоиль. По постриженіи онъ вручень былъ для руководства строгому подвижнику вышеупомянутому духовнику Пахомію. До какой степени простиралось почтеніе и благоговѣніе Іоиля къ своему старцу можно видѣть изъ того, что онъ, во время болѣзни старца, обнималъ и цѣловалъ распухшія и покрытыя струпьями его ноги. Но недолго пришлось Іоилю быть подъ руководствомъ своего любимаго старца: скоро Пахомій окончилъ свое земное поприще, мирно почивъ о Господѣ.

Послѣ смерти старца Пахомія инокъ Іоиль сталъ обращаться за совѣтами непосредственно къ игумену Филарету, подъ муд-

---

*) Въ описаніи жизни старца игумена Филарета, которое составлено внѣ Глинской пустыни и собрано, какъ говаривалъ старецъ Піодоръ, «безъ прилежанія», несправедливо говорится, будто трапеза была безъ хлѣба только одинъ день. Старцу Піодору, который въ то время былъ хлѣбопекаремъ, это лучше извѣстно, и онъ утверждалъ, что хлѣба не было въ продолженіе трехъ дней. Подъ четвертый же день, ночью, была привезена мука, изъ которой и поспѣшили къ трапезѣ приготовить прѣсныя лепешки, то есть малороссійскіе коржи.

рымъ руководствомъ котораго онъ усиленно трудился надъ своимъ духовнымъ совершенствованіемъ. Жаждая духовной мудрости, онъ непрестанно упражнялся въ чтеніи Божественныхъ писаній, свято-отеческихъ твореній и другихъ душеполезныхъ книгъ, которыми и питалъ жаждущую свою душу. И такимъ образомъ, при усиленномъ трудѣ и острой памяти, онъ обогатилъ свой умъ многими полезными свѣдѣніями, которыя онъ сохранялъ въ памяти до конца своей жизни. Подъ вліяніемъ духовнаго чтенія и размышленій, и подъ руководствомъ старца Филарета, равно какъ прочихъ строгихъ подвижниковъ, Іоиль благодатно возрасталъ и укрѣплялся въ духовной жизни. Бдительно слѣдилъ онъ за своими помыслами и ревностно трудился надъ очищеніемъ своего сердца, постоянно имѣя въ умѣ страхъ Божій, память о смерти и о страшномъ судѣ. Плодомъ всего этого было то, что душа его исполнялась умиленія, которое иногда выражалось видимо для другихъ. Такъ, однажды онъ былъ назначенъ уставщикомъ читать поученіе. Онъ началъ чтеніе; но когда дочиталъ до текста: „страшно впасть въ руки Бога живаго“, то залился слезами и не могъ болѣе продолжать чтенія; оставивъ книгу, онъ удалился въ келлію и тамъ, затворившись, проплакалъ цѣлыхъ три дня,—такъ живо представился ему страшный судъ, такъ внимательно онъ читалъ!...

Когда Іоиль представленъ былъ къ мантіи, то въ Консисторіи возникло недоразумѣніе относительно столь ранней чистой отставки его отъ военной службы. Началась по этому дѣлу переписка съ военнымъ вѣдомствомъ, длившаяся продолжительное время и не приведшая ни къ какому результату, вслѣдствіе чего Іоилю пришлось самому путешествовать въ С.-Петербургъ. На пути въ С.-Петербургъ онъ посѣтилъ городъ Курскъ, гдѣ онъ выхлопоталъ себѣ паспортъ. Между прочимъ, въ Курскѣ онъ посѣтилъ домъ умалишенныхъ, гдѣ въ то время находился какой-то блаженный священникъ о. Василій, котораго многіе почитали, какъ прозорливца. Увидѣвъ Іоиля, о. Василій

назвалъ его по имени, подозвалъ къ себѣ и различными иносказаніями предрекъ ему санъ Архимандрита, что въ послѣдствіи и сбылось.

На пути дальнѣйшаго слѣдованія Іоиля къ С.-Петербургу съ нимъ случилось одно таинственное происшествіе, о которомъ онъ потомъ разсказывалъ намъ приблизительно въ слѣдующихъ словахъ: когда онъ проходилъ по одной изъ сѣверныхъ губерній, то ему предстояла переправа чрезъ большую рѣку. Моста чрезъ рѣку вблизи не было, а время подходило къ половодью, и путь по льду уже прекратился. Не дойдя еще до рѣки, Іоиль зашелъ для ночлега на постоялый дворъ и расположился подкрѣпить себя сномъ. Немного времени спустя послѣ того, какъ онъ заснулъ, кто-то толкнулъ его слегка и сказалъ: „странникъ! Время вставать!“ „Я открылъ глаза, разсказывалъ послѣ Іоиль, всматриваюсь и вижу, что предо мною стоитъ какой-то человѣкъ, остальные всѣ спятъ и кругомъ—тьма ночная. „Темно, братъ, на дворѣ, говорю ему, нужно бы было подождать разсвѣта!“ „Одѣвайся и пойдемъ, сказалъ онъ, я дорогу знаю и проведу тебя кратчайшимъ путемъ.“ Я одѣлся, и мы отправились въ путь. Неизвѣстный проводникъ шелъ впереди меня, а я тихо слѣдовалъ за нимъ, изрѣдка обмѣниваясь съ нимъ словами. Спустя нѣсколько времени, я сталъ замѣчать мѣстами по дорогѣ нѣкоторый неопредѣленный блескъ; по обѣимъ сторонамъ дороги также разстилались блестящія широкія полосы. „Что это за блескъ я вижу?“ спросилъ я моего спутника. „Это вода“, сказалъ онъ. „Значитъ мы идемъ по рѣкѣ?“—„Да“, отвѣтилъ онъ коротко. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, я уклонился нѣсколько въ сторону и дѣйствительно замѣтилъ воду; я опустилъ свою палку въ водопромоину, желая испытать глубину и не досталъ дна. „О, братъ, тутъ и дна не достанешь“, проговорилъ я. Спутникъ мой съ негодованіемъ сказалъ мнѣ на это: „слѣдуй внимательно за мною, теперь ледъ уже размытъ.“ Я снова послѣдовалъ за нимъ. Такимъ образомъ мы шли съ нимъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ и прошли,

какъ я полагаю, около двадцати верстъ. Наконецъ мы вышли на большую дорогу. Тогда проводникъ мой указалъ мнѣ дорогу и сказалъ: „иди впередъ, а я послѣдую за тобою;“ я исполнилъ его желаніе. Пройдя немного, я огляпулся: проводника моего уже не было. Предполагая, что онъ отсталъ по какой—либо надобности, я остановился и долго поджидалъ его, но напрасно; и я пошелъ далѣе уже одинъ. До разсвѣта я добрался до деревни и попросился въ одномъ домѣ обогрѣться. Хозяинъ того дома спросилъ меня, гдѣ я ночевалъ, чтобы такъ рано придти сюда. Я разсказалъ ему, гдѣ я останавливался съ вечера и какъ шелъ по рѣкѣ. Хозяинъ не вѣрилъ словамъ моимъ и утверждалъ, что переправа чрезъ рѣку окончательно прекратилась нѣсколько дней тому назадъ, потому что ледъ уже совершенно размытъ. А о постояломъ дворѣ, гдѣ я пробылъ часть ночи, хозяинъ сказалъ, что это мѣсто недоброе и служитъ притономъ для воровъ и разбойниковъ, и что оно отстоитъ отъ его деревни верстъ за двадцать и, дѣйствительно, на той сторонѣ рѣки. Съ ужасомъ выслушалъ я все это и, видя во всемъ случившемся милость Божію къ себѣ, благодарилъ Господа, избавившаго меня, можетъ быть, отъ смерти и проведшаго меня чрезъ опасное мѣсто рукою невѣдомаго проводника.“

По окончаніи дѣла въ С.-Петербургѣ, Іоиль благополучно возвратился въ Глинскую пустынь, гдѣ съ новымъ усердіемъ предался своимъ обычнымъ иноческимъ подвигамъ. Съ этого времени начинается для Іоиля рядъ искушеній, которыя попустилъ Господь, чтобы еще болѣе очистить этотъ сосудъ благодати Своей.

Іоиль имѣлъ обыкновеніе вставать въ одинадцать часовъ ночи для совершенія своего келейнаго правила. Однажды въ это время, стоя на молитвѣ, онъ услышалъ за келліею голосъ, звавшій его по имени „Іоиль“. Услышавъ это, онъ смутился, но продолжалъ оставаться въ молчаніи; голосъ повторился снова, но и на вторичный зовъ Іоиль промолчалъ. Немного спустя послышался шумъ и подулъ сильный вѣтеръ, который едва не

потушилъ горящей свѣчи; Іоиль оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ, послѣ чего все прекратилось, а онъ продолжалъ свое правило.—Утромъ Іоиль по обычаю пошелъ къ старцу настоятелю Филарету и разсказалъ ему все случившееся". Что дѣлать? сказалъ старецъ, мы монахи всегда должны быть готовы къ встрѣчѣ нашего сопротивника." И при этомъ сказалъ, что прошедшую ночь и ему было искушеніе. „Я стоялъ на молитвѣ, такъ разсказывалъ старецъ Филаретъ, двери келліи были на крючкѣ. Вдругъ мнѣ послышалось, будто дверь отворяется; я обратился и вижу слѣдующее: у дверей стоитъ страшный арабъ; голова—курчавая, зубы оскалены, а глаза, какъ огненные угли. Оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, я продолжалъ свое правило, а онъ вышелъ тѣмъ же путемъ. Такъ, братъ, и ты поступай, если явится тебѣ врагъ въ какомъ—либо видѣ. Не обращай ни на что вниманія, огради себя крестнымъ знаменіемъ и продолжай свое дѣло; безъ попущенія Божія онъ ничего не сдѣлаетъ."

1824 года марта 9 дня, (на память сорока мучениковъ), Іоиль облеченъ былъ въ иноческій образъ настоятелемъ Филаретомъ и нареченъ Іоаникіемъ. Послѣ постриженія Іоаникій, по обычаю, нѣсколько дней пробылъ въ церкви безвыходно. Въ это время онъ былъ утѣшенъ явленіемъ ему Ангела. „Изнемогши отъ чрезмѣрнаго бодрствованія, разсказывалъ въ послѣдствіи самъ Іоаникій, я сѣлъ среди церкви, склоня голову на амвонъ, чтобы нѣсколько укрѣпить себя сномъ. Я закрылъ глаза, но спалъ или нѣтъ, того вѣрно не знаю; вдругъ я вижу, что южная дверь алтаря отворилась, и изъ алтаря показался прекрасный юноша въ бѣломъ стихарѣ, препоясанный ораремъ крестообразно. Подойдя ко мнѣ онъ сказалъ: „Іоаникій! бодрствуй! Ты—монахъ, и потому непрестанно долженъ бодрствовать!" Сказавъ это, онъ пошелъ сѣверною дверію въ алтарь. Взоръ мой какъ бы слѣдилъ за удаляющимся; когда онъ былъ уже въ дверяхъ, я внезапно открылъ глаза и чувственными глазами увидѣлъ кисть его правой руки, которою онъ какъ бы

затворялъ за собою дверь. Поспѣшно поднявшись, я бросился въ алтарь, но его уже не было. Я осмотрѣлъ всю церковь, но никого не нашелъ. А сердце мое было исполнено несказанной радости."

По принятіи Ангельскаго образа, Іоанникій усугубилъ бодрствованіе надъ собою, какъ бы слѣдуя призванію явившагося ему небожителя. Удалялся онъ всякой суетности, избѣгая даже бесѣдъ съ мірскими людьми, чтобы не разсѣеваться, ничего отъ нихъ не принималъ, а въ особенности отъ женщинъ, чтобы ничто не напоминало ему о суетной жизни.

По мѣрѣ усовершенствованія Іоанникія въ духовной жизни, усиливались искушенія. Врагъ человѣческаго спасенія дѣлалъ неоднократныя нападенія на Іоанникія, чтобы смутить подвижника; устрашалъ его различными привидѣніями, поставлялъ иногда его дѣйствіямъ преграды, но сильный благодатію Божіею онъ побѣждалъ козни діавола. Наконецъ діаволъ употребилъ сильнѣйшее искушеніе противъ Іоанникія; онъ воздвигъ на послѣдняго клевету—это сильное въ рукахъ діавола оружіе.

Между братіею пустыни были и такіе люди, которые не чужды были привязанностей къ суетности; таковыхъ Іоанникій всегда удалялся, потому что не видѣлъ ничего общаго между своими стремленіями и ихъ интересами. Тоже чувствовали и они и, конечно, не любили и даже ненавидѣли Іоанникія. Этими-то людьми жизни суетной и пользовался врагъ рода человѣческаго, чтобы преслѣдовать и смущать строгаго подвижника. Клеветники при всякомъ удобномъ случаѣ начали возводить различныя клеветы на Іоанникія предъ лицемъ своего настоятеля. Долго старецъ Филаретъ не вѣрилъ имъ; но наконецъ, видно ужъ самъ Господь ради душевной пользы Іоанникія попустилъ искушеніе: старецъ повѣрилъ одной клеветѣ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ:

Одинъ іеромонахъ *) изъ числа недоброжелателей Іоанни-

*) По имени Самуилъ.

кія отлучился изъ монастыря безъ дозволенія настоятеля. Когда онъ возвратился изъ отлучки, настоятель привлекъ его къ отвѣтственности за самовольную отлучку. Виноватый, чтобы избѣжать отвѣтственности за свой поступокъ, вздумалъ сложить свою вину на Іоанникія; онъ увѣрялъ настоятеля, что именно Іоанникій подущалъ и подстрекалъ его на тотъ поступокъ, и привелъ въ доказательство своей лжи хитро-лживыя доказательства. Настоятель поколебался и наконецъ повѣрилъ клеветѣ. Онъ позвалъ къ себѣ Іоанникія, и не принимая отъ него никакихъ оправданій, приказалъ ему немедленно удалиться изъ обители.

Изгоняемый неповинно монахъ Іоанникій съ болію въ сердцѣ разстался съ любимою обителью. Получивши изъ духовной Консисторіи паспортъ, онъ направился на сѣверъ, имѣя цѣлію достигнуть Соловецкой обители, чтобы поселиться въ ней. Съ нимъ вмѣстѣ путешествовалъ нѣкто іеромонахъ Израиль, имѣвшій туже самую цѣль путешествія. По Божію попущенію на пути случилось съ Іоанникіемъ одно ужасное приключеніе, которое угрожало опасностію его жизни. Послѣ этого онъ не рѣшился продолжать путь одинъ, такъ какъ сопутникъ его іеромонахъ Израиль, не пожелавъ путешествовать далѣе, опредѣлился въ одномъ изъ Россійскихъ монастырей. Послѣ нѣкотораго раздумья и колебаній и самъ Іоанникій рѣшился возвратиться снова въ Глинскую пустынь. Но здѣсь въ его отсутствіе ненавистники его успѣли еще болѣе оклеветать его предъ настоятелемъ. Посему, когда онъ возвратился въ пустынь, то настоятель не принялъ его и на глаза, при чемъ и братіи запретилъ принимать его въ свои келліи, а гостинику приказалъ даже выгнать Іоанникія изъ гостинницы. „Когда выгнали меня изъ монастыря, разсказывалъ въ послѣдствіи самъ Іоанникій, была уже ночь. Вышелъ я за святыя ворота и, обратившись, взглянулъ на то святое мѣсто, гдѣ не такъ давно я былъ вчисленъ въ ликъ иночествующей братіи, но откуда теперь я такъ позорно изгоняюсь, какъ злодѣй! Непзобразимая

горесть разлилась въ душѣ моей!... Предо мною былъ цѣлый міръ, а я не имѣлъ гдѣ главы преклонить! Опустившись на землю, я горько зарыдалъ... и рыдалъ долго... Слезы нѣсколько облегчили мое сердце, и я сталъ раздумывать, что мнѣ теперь съ собой дѣлать и гдѣ ночевать? Не зналъ я, на что рѣшиться: до деревни идти по лѣсу въ темнотѣ ночной было страшно; а и подъ оградою, окруженною лѣсомъ, ночевать тоже не безопасно, тѣмъ болѣе, что лѣсъ былъ густой, и я зналъ, что въ немъ часто бродили звѣри. Долго я боролся съ помысломъ— удалиться отъ ограды обители и идти до деревни и наконецъ я рѣшился остаться на ночь подъ оградою. Если угодно Господу прекратить дни моего существованія, думаю себѣ, то пусть звѣри растерзаютъ меня, но растерзаютъ здѣсь, подъ оградою святой обители. Между тѣмъ нѣкоторые изъ старшей братіи сожалѣя о мнѣ, рѣшились пойти къ настоятелю и просить его о принятіи меня въ число братіи. Итакъ оставшись на ночь подъ оградою, я томился отъ горести и наконецъ почувствовалъ изнеможеніе. Сотворивъ молитву, я, сидя на землѣ, склонился на сумку и хотѣлъ заснуть; долго я лежалъ, но заснуть не могъ: различные помыслы, какъ черныя тучи, надвигали на мою душу и давили меня. Время приближалось къ полуночи, и на меня сталъ нападать какой-то особенный страхъ; страхъ этотъ все усиливался и наконецъ до того овладѣлъ всѣмъ моимъ существомъ, что я едва могъ переводить дыханіе. Находясь въ такомъ положеніи, я началъ усердно молиться Пресвятой Богородицѣ и просилъ Ее о помощи... Слышу: на колокольнѣ пробило 12-ть часовъ; въ это время отворилась калитка, ко мнѣ вышелъ монастырскій духовникъ и началъ звать меня: „Іоанникій! гдѣ ты?“ Я отозвался, и онъ объявилъ мнѣ, что настоятель принимаетъ меня снова въ обитель, а послушаніе назначаетъ на братской кухнѣ. Какова же была моя радость! И какъ мнѣ было не благодарить Царицу Небесную!“

Такимъ образомъ Іоанникій, согласно распоряженію настоятеля, поступилъ въ послушаніе на кухню. Братскимъ поваромъ

въ то время былъ вышеупомянутый старецъ монахъ Ѳеодотъ, къ которому Іоанникій всегда питалъ особенную любовь и благоговѣйное уваженіе. Подъ его-то началомъ и долженъ былъ Іоанникій трудиться и нести свою эпитимію. О старцѣ Ѳеодотѣ уже было замѣчено, что онъ отличался высокими добродѣтелями и даромъ прозорливости, которыя онъ смиренно прикрывалъ подъ видомъ юродства; при этомъ онъ постоянно былъ спокоенъ духомъ и всегда веселъ, какъ дитя. По всѣмъ этимъ качествамъ души старецъ Ѳеодотъ служилъ для Іоанникія истиннымъ утѣшеніемъ во время испытанія. Онъ утѣшалъ Іоанникія, нерѣдко предсказывая ему перемѣну его горькой участи на лучшую. Такъ, однажды они вдвоемъ носили ушатомъ воду; Ѳеодотъ, между прочимъ разговоромъ, обратясь къ Іоанникію какъ бы шутя, сказалъ ему: „Оце бачь Іоанникій, теперъ носы ушатомъ воду, а буде те, шо будешь золоту шапку носйты*).“ Разумѣется въ то время Іоанникій не понималъ, о чемъ говорилъ старецъ. Онъ вспомнилъ слова его и понялъ ихъ смыслъ лишь тогда, когда—еще при жизни Ѳеодота **) получилъ митру.

Два мѣсяца монахъ Іоанникій трудился на кухнѣ, неповинно неся эпитимію. Наконецъ настоятель убѣдился въ его невинности и скоро представилъ его къ рукоположенію во іеродіакона. 1824 года ноября 12-го Іоанникій былъ рукоположенъ въ санъ іеродіакона Преосвященнымъ Владиміромъ, Епископомъ Курскимъ и Бѣлградскимъ. Съ какою чистотою сердца и съ какимъ благоговѣніемъ приступалъ онъ къ таинству священства, объ этомъ можно судить по дѣйствію на него благодати во время хиротоніи. Когда Архіерей возложилъ руку на голову его, призывая Духа Божія на проручествуемаго, онъ ощутилъ, что чрезъ голову въ сердце его полилась какая-то сладостная теплота и разлилась по всему тѣлу. Сердце его исполнилось несказанной радости, такъ что онъ даже измѣнился

*) Монахъ Ѳеодотъ по происхожденію малороссъ (Черниг. губ.), и говорилъ всегда на чистомъ малороссійскомъ нарѣчіи.

**) Послѣ многотрудной жизни старецъ Ѳеодотъ скончался въ Глинской пустыни 16 іюня 1859 г. За нѣсколько дней до смерти онъ предсказалъ свою кончину.

въ лицѣ. Архіерей замѣтилъ въ немъ перемѣну и часто посматривалъ на него въ продолженіе Божественной литургіи. Во время причащенія Св. Таинъ, онъ, стоя за престоломъ между прочими діаконами, былъ въ восхищеніи и сподобился созерцанія чуднаго видѣнія, открывшагося его умственнымъ очамъ. Въ послѣдствіи при одномъ воспоминаніи объ этомъ онъ переносился умомъ къ видѣнному, прерывалъ разсказъ на нѣкоторое время и какъ бы погружался въ самаго себя; тогда лице его принимало чрезвычайно благоговѣйное выраженіе, которое ясно показывало, какихъ благоговѣйныхъ чувствъ была исполнена его душа. Не всѣмъ онъ разсказывалъ объ этомъ видѣніи, по своему смиренію; но близкимъ по духу иногда говорилъ о немъ даже подробно: „Когда я стоялъ за престоломъ, разсказывалъ такъ старецъ, вдругъ все, окружающее меня какъ бы стушевалось и сдѣлалось невидимо; внезапно очутился я въ какомъ-то пречудномъ храмѣ, осіяваемомъ непзреченнымъ свѣтомъ. Человѣческій языкъ не можетъ изобразить несказанную красоту и величіе того пречуднаго нерукотвореннаго храма. На горнемъ мѣстѣ была какая-то свѣтлая возвышенность, но ее скрывала распростертая, какъ бы невещественная завѣса. Сіяніе, выходившее изъ—за завѣсы разливало свѣтъ по чудному храму. Я стоялъ въ трепетномъ ожиданіи чего-то, устремивъ всѣ мои душевныя чувства къ горнему мѣсту. Какой-то тайный голосъ говорилъ мнѣ: „тамъ Господь!“ Вдругъ огненная рука простерлась отнять завѣсу; при видѣ этого, душа моя переполнилась благоговѣйныхъ чувствъ, и я громко воскликнулъ: „О, Господи!“ Протодіаконъ, стоявшій рядомъ со мною толкнулъ меня; какъ бы очнувшись, я въ полусознаніи началъ осматриваться кругомъ себя, не понимая хорошо, что со мною происходитъ. Пришедши въ себя, вижу, что Архіерей стоя предъ престоломъ, причащается Святыхъ Таинъ, а прочіе священнослужители, стоя въ порядкѣ, смотрятъ на меня съ удивленіемъ.“

Сдѣлавшись служителемъ Престола Господня, Іоанникій

продолжалъ прилагать вниманіе ко вниманію и всемѣрно заботился о чистотѣ своихъ помысловъ, удаляясь отъ людей разсѣянныхъ и имѣя духовное общеніе лишь съ людьми благочестными. Съ нѣкоторыми благочестивыми старцами Іоанникій до такой степени сблизился духовно, что души ихъ жили какъ бы единою жизнію. Это единеніе друзей по духу выражалось иногда въ нѣкоторой общности ихъ видѣній. Для примѣра приведемъ случай, о которомъ разсказывалъ намъ самъ Іоанникій (въ послѣдствіи Пліодоръ). Однажды іеродіаконъ Іоанникій, идя отъ утрени, увидѣлъ старца Ѳеодота и пригласилъ его пить чай. „Приготовляйся, сказалъ старецъ, я сейчасъ прійду.“ Пришедши въ келлію, Іоанникій приготовилъ, что нужно, и сталъ поджидать старца Ѳеодота; сидя въ ожиданіи, Іоанникій погрузился въ легкую дремоту, и ему представилось слѣдующее: „Представилось мнѣ, такъ разсказывалъ Іоанникій, будто я вышелъ изъ келліи *) и направился въ восточную сторону монастыря. Дойдя до мѣста, гдѣ въ настоящее время цвѣтникъ, я вдругъ очутился въ какомъ-то прекрасномъ саду; я началъ ходить по саду, разсматривая по истинѣ чудную его красоту. Природа всего, что тамъ я встрѣтилъ, была мнѣ совсѣмъ незнакома и на земную природу не похожа. Тамъ стояли въ дивномъ порядкѣ какія-то деревья, украшенныя различными какъ—бы златоблестящими листвіями и цвѣтами и изобиловали различными прекрасными плодами. На нихъ гнѣздилось безчисленное множество разнородныхъ перпатыхъ, которыхъ красота, сладкое пѣніе и порханіе привлекали взоръ и услаждали душу. Внизу разстилалась зелень, испещренная различными цвѣтами удивительной красоты. Вѣяніе тонкаго вѣтра, тихо колеблющаго различныя растенія, разносило неземное благовоніе; словомъ все тамъ было не отъ міра сего. Удивляясь невиданнымъ красотамъ, я ходилъ и наслаждался созерцаніемъ. „Не рай ли это Божій, думалъ я, о которомъ повѣствуетъ намъ

*) Келлія его была внизу въ кирпичномъ корпусѣ, отъ воротъ во второмъ корридорѣ, на лѣво вторая.

Слово Божіе?“ Но вотъ мой взоръ обратился въ восточную сторону, и я вдругъ вижу старца Ѳеодота, идущаго мнѣ на встрѣчу въ своемъ всегдашнемъ одѣяніи, въ замасляномъ короткомъ подрясникѣ. Подойдя ко мнѣ, онъ съ улыбкою обратился ко мнѣ: „А, ты здѣсь?“ Я спросилъ его о томъ, чей это садъ. „Мой“, отвѣтилъ онъ. Какъ бы не довѣряя ему, я сказалъ: „Если садъ твой, то не можешь ли ты дать мнѣ какихъ либо плодовъ?“ Подойдя къ ближайшему дереву, онъ снялъ съ него три яблока и подалъ мнѣ. „Гдѣ же это ты былъ?“ спрашиваю его. Указывая на юговосточную сторону сада, онъ сказалъ: „былъ вотъ тамъ, видѣлъ покойнаго своего отца; мѣсто, гдѣ онъ находится, очень хорошее. Я видѣлъ его стоящимъ въ бѣлой одеждѣ; замѣтивъ меня, онъ поклонился мнѣ въ поясъ. Оттуда я пошелъ далѣе, при этомъ Ѳеодотъ указалъ по направленію къ юго-западу, и видѣлъ тамъ свою мать. Охъ! мѣсто, гдѣ она находится, до того ужасное, что и высказать невозможно! Увидѣвъ меня, она начала съ плачемъ кричать мнѣ: „Помоги мнѣ, помоги!“ Такъ вотъ я, продолжалъ онъ, хочу идти къ настоятелю просить его благословенія, чтобы мнѣ затвориться на годъ и молиться о матери. Говоря это, онъ былъ очень печаленъ. Я слушалъ его разсказъ съ участіемъ, вполнѣ понимая и раздѣляя его скорбь. Въ такомъ душевномъ настроеніи я почему-то положилъ данныя мнѣ три яблока подъ дерево и на этомъ проспулся. Удивленный столь необычнымъ сновидѣніемъ, я бросился изъ келліи и сталъ искать старца Ѳеодота. Прибѣгаю на такъ называемый экономскій дворъ, и чтоже я вижу? Экономъ (бывшій изъ закоренѣлыхъ старинныхъ солдатъ), сложивши вдвое веревку, гоняется за старцемъ Ѳеодотомъ и безпощадно бьетъ его. Въ ужасѣ я бросился къ нимъ, преградилъ дорогу эконому, и старецъ Ѳеодотъ успѣлъ уйти. Догнавъ затѣмъ старца, я спросилъ его, за что билъ его экономъ. „Да вотъ я просилъ привезти на кухню дровъ, а онъ разсердился, да схвативъ веревку и начавъ быты, сколько есть силы!“ „А больно онъ побилъ тебя?“ спрашиваю его. „Ни,

я якъ надувся, такъ винъ бье, а виревка все отскакуе," разсказывалъ старецъ; разсказываетъ, а самъ, какъ незлобивый младенецъ, восторженно заливается смѣхомъ, какъ будто онъ получилъ какую-нибудь великую для него радость. Мы пошли пить чай. Успокоившись нѣсколько, я обратился къ нему съ вопросомъ: „умоляю тебя Богомъ, не скрой отъ меня, гдѣ ты былъ въ то время *)? Взглянувши на меня, онъ сказалъ: „Что же ты спрашиваешь? Самъ ты видѣлъ меня въ саду, гдѣ я давалъ тебѣ яблока". Удивляясь его прозорливости, я хотѣлъ было распросить его подробнѣе, но онъ не отвѣчалъ мнѣ и, напившись чаю, молча, вышелъ изъ келліи."

Въ 1826 году въ Глинской пустыни возникли непріятности, исторія которыхъ довольно запутанная. Іеродіаконъ Іоанникій послѣ колебаній рѣшился оставить Глинскую пустынь. 29 сентября того же года онъ перемѣстился въ Рыхловскій Николаевскій монастырь (Черниг. губ.), которымъ тогда управлялъ постриженецъ Глинской пустыни, настоятель іеромонахъ Анастасій, ученикъ прежде упомянутаго старца Василія, прозываемаго Кишкинъ. Настоятель Анастасій еще въ Глинской пустыни зналъ о прекрасныхъ качествахъ и способностяхъ іеродіакона Іоанникія, и былъ очень радъ его перемѣщенію. Желая имѣть его своимъ помощникомъ, онъ просилъ епархіальное начальство утвердить Іоанникія, какъ достойнѣйшаго, въ должности казначея. Около трехъ лѣтъ Іоанникій съ пользою для обители и благополучно для себя пробылъ въ должности казначея. По затѣмъ начался тяжкій періодъ въ его жизни: онъ долженъ былъ проходить горнило искушеній, какія проходятъ только избранные послѣдователи Спасителя нашего.

Настоятель Анастасій, по разсказамъ старца Иліодора, былъ прежде прекраснаго образа жизни. Онъ очень любилъ и уважалъ старца Василія и даже упросилъ его перемѣститься въ управляемый имъ Рыхловскій монастырь, чтобы руководиться его совѣтами и примѣрною жизнію. Но затѣмъ Анастасій измѣ-

*) То есть, когда эконом наносилъ ему удары.

пился въ своей жизни. Онъ подпалъ вліянію одной особы женскаго пола, вкравшейся въ его довѣріе, и настолько, что въ монастырѣ все дѣлалось по ея желанію; даже и въ келліи настоятеля распоряжалась она, какъ полновластная хозяйка. Братія возмущались этимъ обстоятельствомъ, а тѣмъ болѣе это непріятно было цѣломудренному Іоанникію. Старецъ Василій, видя печальный поворотъ въ жизни своего ученика, глубоко скорбѣлъ о немъ и пытался его исправить своими замѣчаніями. Настоятелю это очень не нравилось, и старецъ Василій сталъ теперь для него тягостію. Вмѣсто того, чтобы принять къ сердцу вразумленія старца, настоятель сталъ его ненавидѣть и, по совѣтамъ прежде упомянутой особы, изгналъ его изъ своего монастыря *). Такъ иногда сбывается изреченіе народной мудрости: „гдѣ діаволъ не успѣетъ самъ собою, тамъ употребляетъ женщину, какъ орудіе.“

Избавившись отъ замѣчаній старца Василія, этого строгаго и дивнаго подвижника, настоятель хотѣлъ освободиться и отъ своего казначея, какъ человѣка безъ сомнѣнія несочувствующаго образу его жизни; да и вообще говоря, порокъ всегда ненавидитъ добродѣтель, какъ своего обличителя.

Чтобы избавиться отъ казначея Іоанникія, для этого настоятелемъ и извѣстною особою были приняты различныя мѣры; послѣдняя же не останавливалась даже и предъ преступными. Такъ, однажды Іоанникій былъ приглашенъ къ настоятелю. Упомянутая особа, конечно, распоряжалась угощеніемъ и, между прочимъ, подала на столъ къ рыбѣ горчицу, приготовленную, какъ думалъ потомъ самъ Іоанникій, съ отравою. Іоанникій ѣлъ горчицу, не подозрѣвая опасности.—Ночью ему сдѣлалось дурно: открылась сильная рвота кровію; всю ночь пострадалъ онъ и едва остался живъ. Утромъ пришелъ къ нему настоятельскій келейникъ и, увидя его больнымъ, началъ предостерегать его отъ опасности: онъ разсказалъ, что Пульхерія

*) Старецъ Василій Кишкинъ, оставивъ Рыхловскій монастырь, перемѣстился въ Площанскую пустынь (Орлов. губ.), гдѣ и скончался.

Ивановна (имя особы) замышляетъ что-то недоброе, что она, приготовляя вчера горчицу, всыпала въ нее что-то сомнительное, при чемъ упомянула имя казначея. Выслушавъ келейника, Іоанникій показалъ ему тазъ, наполненный кровію и въ свою очередь разсказалъ все, что случилось съ нимъ ночью. Келейникъ, увидя тазъ, наполненный кровію, пришелъ въ ужасъ. Тогда Іоанникій сталъ успокоивать келейника и сказалъ ему: „Господь избавилъ меня отъ смерти; прошу тебя, не говори объ этомъ никому.“

Послѣ того, какъ описанный злой умыселъ не удался, настоятель началъ принимать свои мѣры, чтобы выжить Іоанникія изъ монастыря. При всякомъ случаѣ онъ придирался къ казначею безъ всякихъ причинъ и законныхъ поводовъ и старался наносить ему всевозможныя оскорбленія. „Бывало настоятель, разсказывалъ старецъ, получитъ съ почты письма, адресованныя на мое имя, да и попереправитъ на нихъ адресы: гдѣ было написано: „Іеродіакону Іоанникію,“ онъ поправитъ „Іеродіаволу Іоанникію“ и пошлетъ письма ко мнѣ чрезъ своего келейника. Получу эти письма, посмотрю на адресы, поплачу отъ обиды, да и начну за него молиться.“

Во время этого гоненія со стороны настоятеля, Іоанникію представился случай съ опасностію для себя оказать ревность ко Святынѣ Господней. Объ этомъ онъ самъ разсказывалъ въ послѣдствіи такимъ образомъ: однажды вхожу я во Св. алтарь и вижу, что на Св. жертвенникѣ сидитъ толстый помѣщикъ, которому монастырскій ризничій показываетъ различныя священныя вещи.—Помѣщикъ былъ богатъ и отличался страстію къ сутяжничеству.—Видя такое поруганіе святаго мѣста, я затрепеталъ отъ ужаса. Думаю себѣ: если сказать ему, что слѣдуетъ, то изъ того можетъ ничего не выйти; я знаю его придирчивость къ словамъ, отъ него и не отвяжешься. Оставить же его попирать святое мѣсто было невыносимо для моего благоговѣйнаго чувства. Сталъ я предъ Св. престоломъ и помолился мысленно, говоря: „Господи, помоги! Ревнуя поревновахъ по

Твоей святынѣ! Аще угодно Тебѣ, чтобы я пострадалъ, да будетъ воля Твоя!“ Послѣ этого, подойдя къ жертвеннику, я заложилъ локоть правой руки за спину сидящаго и сбросилъ его съ жертвенника въ сѣверную дверь, такъ что онъ пролетѣлъ въ дверь головою, какъ сатана, сверженный съ неба. Выброшенный изъ алтаря помѣщикъ, подхватившись закричалъ мнѣ: „Что это вы дѣлаете?“ „А ты что дѣлаешь? сказалъ я. Возъимѣлъ дерзость сѣсть на Святый жертвенникъ?! Знай, что за поруганіе святыни ты долженъ быть преданъ суду!“ Послѣ этого обстоятельства Іоанникій ожидалъ непріятныхъ для себя послѣдствій. тѣмъ болѣе, что и настоятель искалъ случая, какъ бы погубить его. Однако Господь его защитилъ, и дѣла о томъ никакаго не подымалось.

Но надъ Іоанникіемъ разразилась гроза съ другой стороны. Однажды извѣстная уже намъ Пульхерія Ивановна принесла настоятелю какую-то жалобу на братскаго духовника. Настоятель, собравъ старшую братію, въ присутствіи всѣхъ учинилъ духовнику незаслуженно строгій и даже въ оскорбительной формѣ сдѣланный выговоръ и приказалъ ему просить прощенія у Пульхеріи Ивановны, которая здѣсь же и присутствовала. Возмущенные этимъ братія начали упрекать казначея, какъ бы потворствующаго настоятелю. Казначей съ своей стороны высказался, что онъ нисколько не сочувствуетъ дѣйствіямъ настоятеля и рѣшился вмѣстѣ съ братіею просить настоятеля удалить отъ себя ту особу. Выслушавъ желаніе всей братіи, настоятель приказалъ всѣмъ разойтись. Самъ же рапортовалъ начальству въ томъ смыслѣ, будто братія возмутились противъ него; при этомъ онъ выставилъ на видъ шестерыхъ изъ братіи, какъ главныхъ бунтовщиковъ, указавъ, конечно, на тѣхъ, кого болѣе опасался, и наклеветалъ на нихъ такъ, какъ только могла внушить ему его яростная злоба. Во главѣ же всего вымышленнаго имъ возмущенія онъ поставилъ казначея Іоанникія и просилъ начальство объ удаленіи всѣхъ бунтовщиковъ изъ обители. 1829 года января 25-го послѣдовалъ указъ, коимъ предпи-

сывалось: шестерыхъ, поставленныхъ на видъ настоятелемъ, какъ возмутителей общественнаго порядка, удалить изъ Рыхловскаго Николаевскаго монастыря и разослать въ разные монастыри Черниговской епархіи подъ строжайшій надзоръ. Между прочимъ казначей іеродіаконъ Іоанникій перемѣщается въ Домницкій монастырь, съ запрещеніемъ священнодѣйствія, впредь до дальнѣйшаго о виновныхъ распоряженія. Но какаго можно было ждать дальнѣйшаго распоряженія, объ этомъ Іоанникій даже въ старости вспоминалъ съ ужасомъ. „Тѣ годы, говаривалъ онъ, были для нашего русскаго духовенства по истинѣ желѣзными. Священниковъ, діаконовъ, причетниковъ и монаховъ, вслѣдствіе какого либо, хотя бы то и пристрастнаго донесенія благочиннаго или настоятеля монастыря, безъ всякаго разслѣдованія подвергали страшнымъ наказаніямъ. Если обвиняемый былъ еще въ силахъ, то его отдавали въ солдаты, кто бы онъ ни былъ; но если онъ оказывался неспособнымъ къ солдатской службѣ, то его присуждали въ арестанскую роту, или еще куда — либо.“ Іоанникій лично зналъ нѣкоторыхъ священниковъ, которые, только по донесенію благочиннаго, были лишаемы орденовъ и всѣхъ правъ и сдаваемы въ солдаты, не взирая на то, что послѣ нихъ оставалась иногда цѣлая куча круглыхъ сиротъ. О причетникахъ и говорить нечего: ихъ стригли (въ солдаты), какъ овецъ. Вотъ въ это-то ужасное время и пришлось Іоанникію ожидать „дальнѣйшихъ распоряженій“....

Отправляясь на мѣсто своего изгнанія, Іоанникій пришелъ къ настоятелю проститься и въ горести обратился къ настоятелю, между прочимъ, съ слѣдующими словами: „Я всегда защищалъ вашу честь предъ братіею; скажите ради Бога, за что же я теперь долженъ страдать?“ Настоятель, можетъ быть, почувствовавъ угрызенія совѣсти, сказалъ: „ахъ, братъ! обстоятельства такъ сложились, что кому либо изъ насъ неизбѣжно надо было пострадать; такъ страдай уже ты!“ Обливаясь слезами,

Іоанникій оставилъ Рыхловскій монастырь и отправился въ Домницкій, на мѣсто своего изгнанія.

Два года и десять мѣсяцевъ томился Іоанникій въ Домницкомъ монастырѣ подъ запрещеніемъ. И какая это была жизнь! Всякій часъ онъ трепеталъ за свою будущность, постоянно опасаясь раздѣлить участь несчастныхъ духовныхъ лицъ, гонимыхъ неправдою. Всякій день, съ прибытіемъ почты, ожидалъ онъ рѣшенія своей участи и былъ подобенъ человѣку, надъ которымъ нависла страшная скала, готовая оборваться и раздавить его. Тяжело положеніе такого человѣка! „Я тогда плакалъ, разсказывалъ онъ послѣ, и плакалъ, какъ изгнанный изъ рая; отъ многихъ слезъ едва было не лишился зрѣнія. Горе мое было сильно главнымъ образомъ тѣмъ, что не было никакой надежды и на будущее; не представлялось никакой возможности избавиться отъ нависшей опасности. Я зналъ и видѣлъ, что клевета вполнѣ восторжествовала: Архіерей былъ противъ меня, Консисторія тоже; чего же можно было мнѣ ожидать добраго?“

Занимая письмоводительское послушаніе въ Домницкомъ монастырѣ, Іоанникій часто ѣздилъ въ Черниговъ по дѣламъ монастырскимъ къ Преосвященному Лаврентію, управлявшему тогда Черниговскою епархіею. Не разъ, представляясь лично, онъ просилъ Преосвященнаго отпустить его, Іоанникія, на Аѳонскую гору или на сѣверъ въ Соловецкую обитель, чтобы тамъ окончить жизнь свою въ монашескомъ званіи. Но Преосвященный, видимо предубѣжденный противъ него, не только не хотѣлъ уволить его, но даже и обращался съ нимъ сурово, иногда высказывая ему угрозы относительно лишенія духовнаго званія. „Будешь, будешь красную шапку носить!“ говорилъ онъ иногда съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ насмѣшки. Съ какою горестію выслушивалъ Іоанникій эти немилостивыя слова своего Владыки! Уже въ старости онъ разсказывалъ, что подобныя представленія его Преосвященному были настолько для него тяжелы, что, безъ помощи свыше, немощный человѣкъ не могъ бы ихъ перенести своими только силами. Иногда случалось, что

Владыка давалъ обѣщаніе уволить его и приказывалъ подать прошеніе. Прошеніе подавалось, уплачивался гербовый сборъ, тратились послѣднія копѣйки половиннаго монастырскаго жалованья Іоанникія; нѣсколько дней Іоанникій ожидаетъ резолюціи безъ достаточныхъ средствъ на содержаніе *). И въ заключеніе получается обратно прошеніе съ резолюціею „отказать". Іоанникій пытался съ получаемыми назадъ прошеніями являться къ Архіерею, чтобы напомнить ему объ его обѣщаніи, но изъ этого ничего не послѣдовало. А однажды Владыка сказалъ ему: „да, отпусти тебя на сѣверъ, а ты поѣдешь въ Петербургъ, да вздумаешь оправдываться, тогда и мнѣ могутъ выдти непріятности. Нѣтъ! не выпущу тебя, пока не надѣнутъ на тебя красной шапки." Такимъ образомъ угнетаемый со всѣхъ сторонъ Іоанникій съ тяжелою скорбію въ душѣ ожидалъ окончанія своей печальной участи.

Домницкаго монастыря настоятель былъ человѣкъ простой и добрый, какъ отзывался о немъ въ послѣдствіи Іоанникій. Зная невинное его страданіе, онъ сострадалъ ему, утѣшалъ его, чѣмъ могъ, часто приглашалъ его съ собою обѣдать; но онъ не въ силахъ былъ снять съ Іоанникія того тяжелаго бремени, которое тяготило его душу.

Такъ какъ злосчастное положеніе, въ которое былъ поставленъ Іоанникій, было порождено клеветою, такъ какъ ему и прежде приходилось не одинъ разъ терпѣть отъ клеветы, то ему и стало казаться, что клевета вездѣ преслѣдуетъ его. Это можно видѣть изъ нижеслѣдующаго стихотворенія, написаннаго имъ въ Домницкомъ монастырѣ. Стихотвореніе это, строго говоря, не отличается достоинствами художественнаго произведенія, но оно для насъ и важно въ другомъ отношеніи: въ немъ безхитростно изъ самаго сердца изливается грусть наболѣвшаго сердца подъ давленіемъ тяжкаго бремени, возложеннаго на него клеветою. Съ другой стороны здѣсь выражается сильное стрем-

*) Вслѣдствіе этихъ растратъ Іоанникій терпѣлъ крайнюю нищету: одежда на немъ была изорванная, а изъ разбитыхъ сапогъ виднѣлись ноги.

леніе Іоанникія къ уединенію и къ душевному миру. Стихотвореніе это мы не можемъ привести въ полномъ видѣ: конецъ его утерянъ.

Кто дастъ мнѣ совѣтъ,
Какъ на свѣтѣ жить,
Съ кѣмъ дружбу имѣть
И какъ всѣмъ услужить,
Чтобы могъ я уйти
Отъ лихой клеветы,
Отъ языковъ льстивыхъ,
Устъ несправедливыхъ
Коварныхъ людей.

Оставлю чертоги
Брошу городокъ,
Вселюся въ убогій
Степной хуторокъ,
Гдѣ живетъ всегда
Святая простота.
Въ шалашикъ вселюся
И тамо спасуся
Отъ злой клеветы.

Раломъ буду землю
Ревностно пахать
И громкой свирѣлью
Себя утѣшать,
Храня такъ овецъ
Какъ дѣтей отецъ
Покровенъ отъ неба
Сухой кусокъ хлѣба
Въ сладость я вкушу.

По увы! Напрасно
Такъ думаю я.
Стремится ужасно
Адская змія,
Злая клевета,
Изъ травки куста
Приползши, ужалитъ,
Шалашъ мой развалитъ
И прочь отженетъ.

Изгнанный оттуду
Пойду въ монастырь,
Гдѣ истинный буду
Я вкушати миръ,
Надѣвши клобукъ.
Но ахъ! И тутъ лукъ
И стрѣлы направляетъ
И въ сердце пускаетъ
Злая клевета.

Такъ „адская змія“, злая клевета всюду преслѣдовала Іоаникія и тяжелымъ камнемъ лежала на его сердцѣ. Во всѣхъ несчастіяхъ единственнымъ утѣшеніемъ для него, какъ онъ послѣ разсказывалъ, была молитва; съ нею онъ всегда обращался къ Матери Божіей и къ Святителю Николаю, котораго онъ въ продолженіе всей своей жизни считалъ своимъ покровителемъ.

1831-го года послѣдовало перемѣщеніе Преосвященнаго Лаврентія Черниговскаго въ другую епархію. Настоятель Доминицкаго монастыря, желая проститься съ отъѣзжающимъ Архипастыремъ, но въ тоже время будучи боленъ, поручилъ іеродіакону Іоаникію сдѣлать прощальный визитъ Владыкѣ отъ имени его, настоятеля, и всей братіи Доминицкаго монастыря. Послѣ обычныхъ объясненій съ Владыкою, Іоаникій хотѣлъ

было удалиться; но Владыка, остановивъ его, сказалъ: „я, кажется, обидѣлъ тебя, давай простимся!“ „Ваше Преосьященство! сказалъ онъ, не скрою отъ васъ того, что я чувствую себя обиженнымъ, и болѣе всего тѣмъ, что не было принято во вниманіе ни одно мое прошеніе относительно учиненія слѣдствія по моему дѣлу. Благодаря этому я около трехъ лѣтъ невинно страдаю, терплю всякаго рода лишенія, а въ концѣ концовъ долженъ буду лишиться монашества и священства и страдать всю жизнь. Поэтому не знаю, что мнѣ больше сказать вамъ. Дѣло свое я предаю на судъ Божій. Онъ, Великій и Праведный Судія насъ разсудитъ.“ — „Ахъ, братъ, тамъ страшно; я хотѣлъ бы примириться какъ нибудь здѣсь!“ Сказавъ эти слова, Владыка поклонился Іоанникію въ поясъ. „Прости меня, братъ мой, прости,“ сказалъ онъ; „но къ прискорбію моему помочь тебѣ теперь я не могу; твое дѣло въ Синодѣ, ожидай, что послѣдуетъ.“—„Богъ проститъ, и я прощаю,“ сказалъ Іоанникій, при чемъ въ свою очередь поклонился Преосвященному и, расчувствовавшись до слезъ, онъ вышелъ отъ него.

На мѣсто Преосвященнаго Лаврентія въ Черниговскую епархію былъ назначенъ Высокопреосвященный Владиміръ, Архіепископъ Курскій и Бѣлоградскій, присутствовавшій тогда въ Святѣйшемъ Синодѣ, который скоро и прибылъ на мѣсто своего назначенія.

Іеродіаконъ Іоанникій снова былъ посланъ въ Черниговъ, чтобы отъ лица настоятеля и братіи привѣтствовать вновь прибывшаго Архипастыря и испросить его благословенія. Прибывъ въ Архіерейскій домъ, Іоанникій случайно встрѣтился съ Владыкою среди монастыря; отрекомендовавшись Владыкѣ и отрапортовавъ ему о благосостояніи обители, онъ принялъ благословеніе Архипастыря и удалился. Уже онъ началъ готовиться въ обратный путь, какъ вдругъ неожиданно Владыка потребовалъ его къ себѣ. Первый вопросъ Владыки былъ такой: „ты давно въ Домницкомъ монастырѣ?“—„Около трехъ лѣтъ.“—„А гдѣ ты постригался въ монашество?“—„Въ Глинской пустыни Курской

епархіи.“ — „Кто постри́галъ тебя?“—„Строитель старецъ Филаретъ.“—„А рукополагалъ во іеродіакона кто?“—„Вы, ваше Высокопреосвященство, удостоили меня этой степени.“—„Я рукополагалъ тебя?“ переспросилъ Владыка. „Вы.“ — „Дѣла твои мнѣ извѣстны; ты желаешь быть іеромонахомъ?“ — „Нѣтъ, не желаю,“ отвѣтилъ Іоанникій.“—„Почему?“—„Лѣта прошли.“—„А сколько тебѣ лѣтъ?“—„Тридцать шесть.“—„Однако ты старичекъ,“ сказалъ съ улыбкою Владыка *).—„А если я рукоположу тебя безъ твоего желанія, что ты на это скажешь?“—„Ничего не могу сказать кромѣ того, что повинуюсь вашей волѣ, какъ волѣ Божіей.“ Но извѣстно ли вашему Высокопреосвященству, что я нахожусь подъ запрещеніемъ и дѣла мои въ Святѣйшемъ Синодѣ?“ — „Вотъ я для тебя и Синодъ: готовься на завтра къ рукоположенію во іеромонаха!“ Такъ паче чаянія Іоанникій былъ рукоположенъ во іеромонаха 20-го ноября 1831-го года.

Этотъ, совершившійся по волѣ Божіей, неожиданный поворотъ въ судьбѣ Іоанникія настолько поразилъ его, что онъ совершенно растерялся, не будучи въ состояніи сообразить всего, что съ нимъ происходило. Вышедши, по рукоположеніи, изъ церкви, онъ забылъ явиться даже къ Архіерею и безъ всякихъ видовъ, удостовѣряющихъ его рукоположеніе, удалился изъ Чернигова. Когда онъ прибылъ въ Доминицкій монастырь, то никто не вѣрилъ тому, что онъ рукоположенъ во іеромонаха: только настоятель зналъ его настолько, чтобы ему повѣрить и дозволить служеніе.

Января 20-го 1832 года было предписано указомъ настоятелю Доминицкаго монастыря слѣдующее: Іеромонаху Іоанникію

*) Владыкѣ показалось смѣшнымъ видѣть предъ собою человѣка тридцати шести лѣтъ, очень краснваго, стройнаго и пріятнаго взора и утверждающаго, что его лѣта уже прошли. Владыка не забывалъ этого и послѣ и нерѣдко съ доброю улыбкою называлъ Іоанникія старичкомъ.

Когда у самаго Іоанникія послѣ спросили, въ какомъ смыслѣ и почему онъ сказалъ, что «лѣта его уже прошли,» то онъ объяснилъ это такъ: «находящемуся въ тяжкомъ томленіи время тянется медленно; такъ и мнѣ, дѣйствительно казалось, что жизнь моя уже протекла, и я приближаюсь къ концу.»

выдать 25 руб. денегъ изъ неокладной монастырской суммы на расходы и снарядить тройку лошадей для проѣзда ему въ Черниговъ.

По пріѣздѣ въ Архіерейскій домъ, онъ немедленно явился къ Высокопреосвященному Владиміру. Владыка спросилъ его, почему онъ уѣхалъ такъ поспѣшно и даже тайно изъ Чернигова по рукоположеніи. „Простите, Владыко Святый! сказалъ Іоанникій. Неожиданность въ ходѣ моего дѣла такъ меня озадачила, что я ощутилъ какой-то страхъ и сдѣлалъ это въ замѣшательствѣ. Я едва опомнился уже по пріѣздѣ въ монастырь.“ Владыка, улыбаясь, сказалъ ему: „однако хорошо же тебя здѣсь пугали!“

Іоанникію было назначено служеніе въ крестовой церкви. Въ послѣдствіи оказалось, что Владыка вызывалъ его къ себѣ, желая лично убѣдиться въ его добрыхъ качествахъ. Въ этихъ видахъ нѣкоторымъ лицамъ было поручено даже слѣдить за его поведеніемъ.

Однако въ Черниговскомъ Архіерейскомъ домѣ Іоанникію пришлось жить недолго. Высокопреосвященный Владиміръ, многое и прежде слышавшій о безвинныхъ страданіяхъ Іоанникія, окончательно убѣдился въ этомъ, когда узналъ его лично и особенно, когда, по разслѣдованіи дѣла, настоятель Рыхловскаго монастыря Анастасій оказался виновнымъ. При первомъ же свиданіи съ Владыкою Анастасій былъ уволенъ отъ должности настоятеля и перемѣщенъ въ Доминицкій монастырь въ число братіи. А 16-го сентября 1832 года іеромонахъ Іоанникій былъ опредѣленъ строителемъ Рыхловскаго Николаевскаго монастыря, на мѣсто того, кто причинилъ Іоанникію столько непріятностей и даже хотѣлъ окончательно погубить его.

Принявъ въ управленіе Рыхловскую Николаевскую обитель, строитель іеромонахъ Іоанникій всѣ свои заботы направилъ къ тому, чтобы водворить въ обители спокойствіе и возстановить въ ней желаемый порядокъ. Достиженіе этой цѣли стоило Іоанникію не малыхъ трудовъ и сопряжено было съ нѣкоторыми

для него непріятностями. Дѣло въ томъ, что при настоятелѣ Анастасіѣ лучшіе изъ братіи вынуждены были оставить Рыхловскій монастырь, такъ что монастырь имѣлъ насущную нужду въ способныхъ людяхъ. Поэтому первымъ дѣломъ для Іоанникія было—собрать около себя людей достойныхъ и способныхъ. И этого онъ достигъ съ большимъ успѣхомъ. Какъ только разнесся слухъ о смѣнѣ настоятеля въ Рыхловскомъ монастырѣ и объ опредѣленіи туда строителемъ Іеромонаха Іоанникія,— въ Рыхловскій монастырь стали собираться монашествующіе: сюда возвращались нѣкоторые изъ прежней братіи, вышедшіе изъ обители при Анастасіѣ, и многіе переходили изъ Глинской пустыни. А такимъ образомъ около Іоанникія составилось благонадежное общество иноковъ, въ которомъ и былъ возстановленъ Іоанникіемъ должный порядокъ монастырской жизни. На всѣ стороны этой жизни было обращено вниманіе Іоанникія. Относительно чиноположенія, пѣнія, чтенія и всего остальнаго Іоанникій руководствовался извѣстными уже ему правилами старца Филарета, за всѣмъ бдительно и самолично наблюдая. Строго запретилъ онъ женщинамъ входъ въ келліи братіи; часто самъ обходилъ эти келліи и старался вникнуть въ жизнь каждаго, напоминая всѣмъ объ обязанностяхъ, какія возлагаются на иноковъ обѣтами и правилами Св. Отцевъ. Принимая во вниманіе труды строителя Іоанникія по благоустройству обители, Высокопреосвященный Владиміръ 1833 года ноября 12-го наградилъ его набедренникомъ; а 1835 года сентября 14-го произвелъ его въ санъ игумена съ возложеніемъ палицы.

Между тѣмъ настоятель Глинской пустыни старецъ Филаретъ, будучи въ то время еще строителемъ, имѣлъ нѣкоторую претензію на игумена Іоанникія, состоящую въ томъ, что къ нему переходятъ братія его пустыни. Старецъ Филаретъ подозрѣвалъ игумена въ хитрыхъ происках, посредствомъ которыхъ онъ привлекаетъ къ себѣ братію Глинской пустыни. Старецъ даже писалъ объ этомъ игумену, прося его непринимать къ себѣ въ монастырь приходящихъ изъ Глинской пустыни.

Игуменъ Іоанникій, конечно, не могъ исполнить вполнѣ просьбы старца Филарета. Онъ уговаривалъ приходящихъ изъ Глинской пустыни снова возвратиться въ свою обитель; но когда онъ слышалъ убѣдительныя просьбы приходящихъ, когда видѣлъ ихъ рѣшительное намѣреніе оставить Глинскую пустынь,—онъ не могъ имъ отказывать и съ любовію принималъ ихъ. Это обстоятельство и было предметомъ претензіи старца Филарета. Игуменъ Іоанникій съ своей стороны продолжалъ питать благоговѣніе въ отношеніи къ тому, отъ руки котораго онъ принялъ постриженіе и кѣмъ наставленъ былъ на путь иноческой жизни. Желая быть съ старцемъ Филаретомъ въ мирѣ и любви, онъ искренно хотѣлъ какимъ нибудь образомъ уничтожить недоразумѣніе и успокоить старца; однако поѣхать съ этою цѣлію къ нему въ обитель не рѣшался, чтобы не подать новаго повода къ подозрѣнію относительно цѣли его посѣщенія Глинской пустыни. Поэтому Іоанникій молился о томъ, чтобы самъ Господь устроилъ дѣло ихъ примиренія. И дѣйствительно, случай къ тому скоро представился. Бывъ на ярмаркѣ въ городѣ Королевцѣ, игуменъ Іоанникій зашелъ въ одинъ магазинъ за покупкой; вдругъ онъ видитъ, что туда же направляется, не замѣчая его, и старецъ Филаретъ. Едва старецъ переступилъ порогъ, какъ игуменъ Іоанникій, въ присутствіи всѣхъ, палъ къ ногамъ его, говоря: „прости мя, отче святый, аще чѣмъ согрѣшихъ предъ тобою!“ Озадаченный такою неожиданностію старецъ Филаретъ стоялъ и молчалъ; а тотъ, припадши къ ногамъ его, повторялъ: „прости, отче святый, и благослови!“ Духовникъ, бывшій при старцѣ Филаретѣ, какъ бы съ нѣкоторымъ негодованіемъ обратился къ Филарету и сказалъ: „что же ты молчишь? Хотя онъ и постриженецъ твой, но по сану старше тебя. Онъ, смиряясь, лежитъ у ногъ твоихъ, а ты стоишь и молчишь.“ Тогда старецъ Филаретъ поднялъ его, говоря: „Богъ проститъ, и я прощаю; будемъ жить мирно.“ Съ того времени добрыя отношенія мира и любви между ними никогда не нарушались.

Такое смиреніе, такое миролюбіе, такая любовь къ людямъ игумена Іоанникія благодатно награждались видимыми благодѣяніями Божіими. Въ затруднительныхъ случаяхъ онъ всегда обращался съ молитвою къ своему предстателю предъ Богомъ и молитвеннику, Святителю и Чудотворцу Николаю, и не разъ испытывалъ на себѣ видимое покровительство сего Святителя, получая отъ него благовременную помощь не только въ духовныхъ, но и въ матеріальныхъ своихъ нуждахъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи нельзя пройти молчаніемъ одного чуднаго случая, о которомъ въ послѣдствіи намъ довелось слышать изъ устъ самаго игумена Іоанникія (уже схи-Архимандрита Иліодора).

Однажды въ монастырѣ случилась большая нужда въ деньгахъ на покупку желѣза для постройки, но въ запасѣ было не болѣе трехъ сотъ руб. на ассигнаціи,—сумма ничтожная предъ той, какая требовалась. Обойти нужду посредствомъ какаго либо оборота, напр. кредита, не было никакой возможности. Желѣзо привозилось на баркахъ по рѣкѣ Деснѣ незнакомыми продавцами, у которыхъ можно было купить только на наличныя деньги. Положеніе было безъисходное. „Скорбно было мнѣ, разсказывалъ старецъ Иліодоръ, но я не колебался въ упованіи на угодника Божія Святителя Николая и молился ему съ вѣрою въ его предстательство предъ Богомъ... И вотъ случилось мнѣ въ сопровожденіи казначея и ризничаго пойти въ ризницу, гдѣ хранился ящикъ съ монастырскою суммою. Ключъ отъ ящика хранился у казначея, отъ ризницы — у ризничаго; печать же хранилась у меня, такъ что, ящикъ могъ вскрываться лишь въ присутствіи трехъ лицъ. По отрѣшеніи печати мы вскрыли ящикъ и начали повѣрять сумму: денегъ оказалось болѣе трехъ тысячъ рублей. Съ благоговѣйнымъ страхомъ и удивленіемъ обратился я къ присутствующимъ, говоря: „отцы святые! откуда это взялись деньги? По записи ихъ значится число извѣстное, а клали ихъ мы сами?! Тѣ тоже смотрѣли съ

удивленіемъ. Такъ святитель Христовъ Николай, говорилъ старецъ, никогда не оставлялъ меня грѣшнаго въ нуждахъ."

Съ того времени, какъ послушникъ Іоаннъ Головашицкій оставилъ Кіевскую Лавру и прекратилъ всякія сношенія съ родными, протекло болѣе двадцати лѣтъ. Никто изъ его родныхъ не зналъ, гдѣ онъ находится и живъ-ли. Въ свою очередь и онъ (теперь уже игуменъ Іоанникій) не имѣлъ о своихъ родныхъ никакихъ свѣдѣній. Между тѣмъ благочестивые его родители усердно молили Господа Бога о томъ, чтобы Онъ, имиже вѣсть судьбами, поставилъ ихъ въ извѣстность относительно участи любезнаго имъ сына. Особенно этого желала его мать, любившая его болѣе всѣхъ изъ своихъ дѣтей. И Господь услышалъ ихъ молитву; Онъ далъ имъ возможность узнать, что сынъ ихъ еще живъ и состоитъ игуменомъ и настоятелемъ Рыхловскаго монастыря. Произошло это такимъ образомъ: однажды игуменъ Іоанникій прохаживался съ братіею по монастырскому лѣсу. Между прочимъ, выйдя на поляну, они увидѣли обозъ проѣзжающихъ чумаковъ, которые сдѣлали привалъ на монастырской землѣ. Подойдя къ нимъ, игуменъ спросилъ ихъ, откуда они, и нашелъ въ нихъ своихъ земляковъ. Отъ нихъ онъ узналъ, что родители его живы и распрашивалъ ихъ о многомъ другомъ. Пригласивъ затѣмъ земляковъ въ монастырь, онъ предложилъ имъ угощеніе и наконецъ открылся имъ, кто онъ. По возвращеніи домой, чумаки разсказали родителямъ его, какъ и въ какомъ положеніи они видѣли ихъ сына. Понятно, съ какою радостію приняли родители столь утѣшительное извѣстіе о сынѣ, котораго они считали уже умершимъ. Пріятно было имъ узнать, что сынъ ихъ еще живъ; но ихъ родительская радость усугубилась, когда они услышали, что сынъ ихъ—въ санѣ игумена и руководитъ сонмомъ Богоизбранныхъ иноковъ на пути ихъ духовной жизни. Первымъ движеніемъ любящаго материнскаго сердца было желаніе патріарха Іакова, который, услышавъ, что сынъ его Іосифъ живъ, сказалъ: „пойду и увижу

его, пока не умру.“ И на самомъ дѣлѣ, мать игумена Іоанникія скоро навѣстила своего любимаго сына и была принята имъ съ подобающимъ сыновнимъ почтеніемъ и любовію. Она погостила у игумена нѣсколько дней и наконецъ собралась въ обратный путь. Прощаясь съ матерію, игуменъ Іоанникій передавалъ чрезъ нее въ должномъ поклонѣ свидѣтельство о своемъ сыновнемъ почтеніи и любви своему отцу и, не оскорбляя чувствъ материнской любви, откровенно просилъ свою мать о томъ, чтобы никто болѣе не обременялъ его своимъ посѣщеніемъ. Между прочимъ онъ говорилъ: „если вы будете посѣщать меня, то будутъ бывать и прочіе родственники. Итакъ, занимаясь съ родственниками, я буду отвлекаться отъ своихъ прямыхъ и важнѣйшихъ обязанностей. Поэтому-то я и долженъ сказать вамъ, что если начнутся такія посѣщенія родныхъ, то я оставлю должность и монастырь и удалюсь въ иное мѣсто, и тогда, какъ и прежде, вамъ будетъ неизвѣстно мое мѣстопребываніе.“ Мать поняла истинный смыслъ такой просьбы сына и со слезами на глазахъ дала обѣщаніе исполнить ее, довольствуясь лишь тѣмъ, что онъ останется на своемъ настоящемъ мѣстѣ, и просила его, хотя въ рѣдкости, писать о себѣ. Это свиданіе Іоанникія съ матерію, дѣйствительно было послѣднимъ; съ отцемъ же онъ никогда не видѣлся. Что касается остальныхъ родственниковъ, то оказывать имъ пріемъ игуменъ Іоанникій еще менѣе считалъ для себя удобнымъ.

Послѣ осмилѣтняго управленія Рыхловскимъ монастыремъ, игуменъ Іоанникій сталъ чувствовать, что здоровье его слабѣетъ: у него стала часто повторяться геммороидальная болѣзнь въ различныхъ ея проявленіяхъ. Особенно часто она проявлялась кровотеченіемъ изъ горла и въ этой формѣ болѣе всего препятствовала ему заниматься дѣлами. Посему онъ рѣшился оставить должность и лично сталъ просить Высокопреосвященнаго Архіепископа Павла, бывшаго проѣздомъ въ Рыхловскомъ Николаевскомъ монастырѣ, объ увольненіи его отъ должности. Высокопреосвященному Владыкѣ не хотѣлось уволить его. „Потрудитесь еще

говорилъ Владыка; если почувствуете себя совершенно нездоровымъ, тогда видно будетъ. Старайтесь поддерживать свое здоровье, а дѣла монастырскія можете поручать, по возможности, своимъ помощникамъ. Сейчасъ же уволить васъ не могу.“ Такими словами Высокопреосвященный Павелъ уговаривалъ и уговорилъ игумена Іоанникія продолжить его многополезное служеніе благу святой обители.

Въ 1840 году августа 6 дня, по указу Святѣйшаго Правительствующаго Синода, игуменъ Іоанникій былъ произведенъ въ санъ Архимандрита, и ему было поручено управленіе Петро—Павловскимъ монастыремъ той же Черниговской Епархіи (Глуховскаго уѣзда), которымъ онъ и управлялъ въ продолженіе пяти лѣтъ. Въ промежутокъ этого времени скончался приснопамятный старецъ, настоятель Глинской пустыни игуменъ Филаретъ. Братія Глинской пустыни, зная любовь и благоговѣніе Архимандрита Іоанникія къ почившему игумену, поспѣшили извѣстить Архимандрита о кончинѣ отца своего. Съ сердечною скорбію получивъ такое печальное извѣстіе, онъ отправился въ Глинскую пустынь, чтобы отдать послѣдній долгъ тому, предъ кѣмъ онъ такъ благоговѣлъ. Купно съ братіею Глинской пустыни онъ совершилъ надъ почившимъ священный обрядъ погребенія, оплакивая смерть игумена Филарета, какъ безвозвратную для себя потерю.

Между тѣмъ собственное здоровье Архимандрита Іоанникія, по причинѣ многосложнаго труда и занятій дѣлами, постепенно разстраивалось, такъ что, наконецъ въ 1845 году онъ подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности настоятеля. Къ этому всецѣло располагало его и всегдашнее стремленіе души его къ безмятежному житію и къ сосредоточеннымъ подвигамъ. Стремленіе это не разъ порождало въ немъ намѣреніе оставить настоятельскую должность, чтобы, удалившись отъ занятій и хлопотъ, предаться полному и строгому уединенію. Въ этихъ видахъ онъ предполагалъ поселиться въ Брянскихъ лѣсахъ, гдѣ около того времени подвизались нѣкоторые знаменитые по-

движники. По различныя обстоятельства препятствовали осуществленію его намѣреній. Теперь же (т. е. въ 1845 году) онъ рѣшительно вознамѣрился удалиться отъ дѣлъ правленія монастыремъ и въ своемъ прошеніи просилъ Начальство объ опредѣленіи его на покой въ Глинскую пустынь *), гдѣ онъ полагалъ начатки своего подвижничества. 6-го сентября 1845 года Архимандритъ Іоанникій былъ уволенъ отъ должности по всему согласно его прошенію.

Перемѣстившись въ Глинскую пустынь и освободившись отъ хлопотъ и занятій, сопряженныхъ съ званіемъ настоятеля монастыря, Архимандритъ Іоанникій всецѣло посвятилъ себя добродѣтелямъ строгаго подвижника, прилагая вниманіе ко вниманію и постоянно стремясь къ тому, что плѣняло его душу отъ юности. Сокровенныя его дѣланія были вѣдомы только единому Сердцевѣдцу; но отъ плодовъ познаются таковые дѣлатели. Истинная добродѣтель всегда сіяетъ, какъ свѣтильникъ въ темнотѣ, и не можетъ укрыться отъ благоговѣйнаго взора ея почитателей. Поэтому братія Глинской пустыни благоговѣйно почитали старца Архимандрита Іоанникія, видя въ немъ благонадежную опору въ своей духовной жизни и привязывались къ нему любовію. Во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ они обращались къ нему за совѣтами и наставленіями, принимая послѣднія съ довѣріемъ и чувствомъ благодарности. Съ своей стороны старецъ Іоанникій дѣлалъ въ отношеніи къ братіи все, что только внушала ему Христова заповѣдь о любви и самая эта любовь, наполнявшая его сердце. Соединяясь съ братіею тѣснѣйшимъ союзомъ братолюбія, онъ всѣмъ безъ исключенія желалъ одного добра. Ищущимъ спасенія онъ указывалъ и разъяснялъ истинный путь къ вѣчной жизни; всѣмъ сострадалъ, всѣхъ утѣшалъ онъ, со всѣми, что имѣлъ, дѣлился. Словомъ, любовію онъ, можно сказать жилъ, ею дышалъ онъ...

*) Архимандритъ Іоанникій оставилъ свое намѣреніе подвизаться въ Брянскихъ лѣсахъ, вслѣдствіе того, что знаменитые подвижники, привлекавшіе его къ себѣ своею жизнію, къ тому времени разошлись по монастырямъ.

Изъ устъ его чаще всего слышались слова Христовой заповѣди: „посему вси разумѣютъ, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою.“

Находясь съ братіею въ отношеніяхъ такого братолюбія, старецъ Архимандритъ однажды задался мыслію о томъ, какой бы ему принять подвигъ наиболѣе благополезный для братіи. Вопросъ этотъ рѣшила ему все таже любовь, которая наполняла его сердце. Она указала ему, что общежитіе болѣе всего нуждается именно въ союзѣ братолюбія, поддерживающемъ миръ и искореняющемъ всякую вражду. Желая, такимъ образомъ, связать всѣхъ святыхъ союзомъ любви и единодушія, онъ рѣшился принять подвигъ миротворца. Насколько великъ этотъ подвигъ христіанской любви, объ этомъ могутъ имѣть полное понятіе только истинные миротворцы. Однако и каждому человѣку до нѣкоторой степени понятны трудности этого дѣланія. Всякій знаетъ, что примиреніе между враждующими зависитъ часто не отъ самаго миротворца, а и отъ лицъ враждующихъ, иногда ожесточенныхъ въ сердцѣ своемъ. Кто рѣшается уговаривать таковыхъ къ миру, смягчать ихъ сердце, тотъ всегда долженъ быть готовымъ къ перенесенію оскорбленій отъ нихъ. Это часто и претерпѣваютъ миротворцы, въ этомъ именно и состоитъ великій смыслъ подвига.

Принявъ на себя этотъ подвигъ, старецъ Архимандритъ Іоанникій прежде всего самъ хотѣлъ быть живымъ образцемъ того, чему онъ долженъ былъ поучать другихъ. Такъ, если онъ замѣчалъ, что кто либо имѣетъ противъ него даже малѣйшее неудовольствіе, хотя бы то было и безъ всякаго повода съ его стороны,—онъ немедленно приглашалъ къ себѣ немирствующаго, или самъ шелъ къ нему въ келлію; первый, бывало, ему поклонится и скажетъ: „прости меня, отче, глупаго старца; я оскорбилъ тебя, прости Бога ради!“ Онъ не переставалъ такъ просить до тѣхъ поръ, пока тотъ не скажетъ: „Богъ проститъ, и я прощаю.“ Тогда онъ, радуясь, благодарилъ примирившагося и приглашалъ его къ себѣ на чай. Такъ поступалъ ста-

рецъ въ отношеніи ко всѣмъ, не различая того, изъ числа старшихъ былъ тотъ, къ кому онъ обращался, или изъ новоначальныхъ послушниковъ: никому онъ не стѣснялся и нестыдился поклониться. Миролюбіе старца заставляло его быть осторожнымъ и внимательнымъ ко всему, что касалось его отношеній къ другимъ. Если иногда, по требованію необходимости, старецъ указывалъ на ошибки того, кто къ нему обращался за совѣтомъ, то и въ такомъ случаѣ онъ крайне остерегался, чтобы какъ нибудь не оскорбить ближняго. Поэтому, послѣ такого рода бесѣды, онъ обычно поднимался со стула, кланялся отходящему и говорилъ: „прости меня, чадо доброе, не оскорбилъ ли я тебя чѣмъ либо?“ Такъ онъ постоянно заботился о томъ, чтобы не подать ни малѣйшаго повода къ оскорбленію ближняго.

Однако нескопный врагъ человѣческаго спасенія не оставилъ въ покоѣ старца Архимандрита Іоанникія и на пути этого подвига, не разъ строя свои козни подвижнику. Бывали случаи, что нѣкоторые, поддавшись внушеніямъ врага, безъ всякой причины враждовали противъ старца, ненавидѣли и, чѣмъ могли, оскорбляли его. Къ таковымъ старецъ не разъ обращался съ своими просьбами о примиреніи, умоляя ихъ оставить непріязнь. Дѣлалъ это онъ, конечно, не изъ страха. — потому что одно строгое слово его могло уничтожить непріятность, — а именно ради исполненія заповѣдей Божіихъ, какъ послѣдователь Христовъ. Если діаволъ въ послушныхъ ему долго противодѣйствовалъ миролюбивымъ усиліямъ старца, то послѣдній съ своею сердечною болѣзнію обращался ко Господу и молилъ Его о вразумленіи заблуждающихъ и не переставалъ любить своихъ оскорбителей, полагая, что „за грѣхи его все сіе попускается ему.“

Начальными уроками такого смиренія и миролюбія онъ былъ обязанъ, какъ самъ говорилъ, старцу Филарету. Постоянно затѣмъ понуждая себя къ этимъ добродѣтелямъ, онъ пріобрѣлъ въ нихъ навыкъ: видно было, что онъ слѣдовалъ такимъ правиламъ безъ всякаго труда. Будучи столь миролюбивымъ,

старецъ Іоанникій старался поддерживать миръ и между другими. Увидѣвъ ссорившихся или услышавъ о враждующихъ, старецъ спѣшилъ уничтожить вражду между ними и возстановить миръ. Онъ принималъ различныя къ тому мѣры: уговаривалъ, просилъ и умолялъ враждующихъ оставить непріязнь и раздоры. Старанія его, соединенныя съ молитвою всегда въ концѣ концевъ увѣнчавались полнымъ успѣхомъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло примиренія ему не удавалось сразу, онъ ходилъ къ враждующимъ по келліямъ и тамъ уговаривалъ ихъ; а иногда приглашалъ ихъ къ себѣ, всѣми средствами стараясь возстановить между ними любовь. Успокоивался онъ лишь тогда, когда враждующіе приходили въ сознаніе, кланялись другъ другу и говорили: „Христосъ посредѣ насъ!“ Тогда онъ, радуясь, ублажалъ примирившихся и, обыкновенно, говорилъ: „теперь, добрые мои братія, Христосъ посредѣ насъ! діаволъ побѣжалъ! Будемъ же стараться, чтобы Христосъ, Спаситель нашъ всегда былъ между нами; а это тогда только и бываетъ, когда мы имѣемъ любовь между собою.“

Само собою разумѣется, что старцу миротворцу приходилось терпѣть немало укоризнъ, упрековъ и насмѣшекъ отъ тѣхъ самыхъ людей, кому онъ желалъ душевнаго мира и спокойствія. Это случалось тогда, когда враждующіе бывали старѣйшіе изъ братіи, но тѣмъ не менѣе люди невнимательные и своенравные. Пріиду, бывало, разсказывалъ самъ старецъ, начну уговаривать ихъ и просить примириться, вотъ тутъ-то мнѣ и достанется. „Откуда,“ говорятъ мнѣ, явился такой миротворецъ? Уходи отсюда! Какое тебѣ до насъ дѣло?“ На это старецъ Іоанникій съ кротостію и привѣтливою улыбкою, кланяясь, говорилъ: „простите меня, отцы святые! Я съ желаніемъ добра обращаюсь къ вамъ;“ и опять продолжалъ ихъ просить о томъ же. Господь, видя трудъ старца, смягчалъ жестокія сердца, и вражда уступала мѣсто миру и любви.

Такъ старецъ Архимандритъ Іоанникій совершенствовался въ добродѣтеляхъ жизни подвижнической; и Господь не остав-

лялъ его безъ Своего покрова, но въ ободреніе и подкрѣпленіе его на пути подвиговъ не разъ сподоблялъ его того или другаго знаменательнаго утѣшенія. Однажды, старецъ задумался объ участи своего покойнаго отца; ему хотѣлось узнать, имѣетъ ли онъ надежду на полученіе блаженства въ вѣчности. Помысливъ объ этомъ, онъ сталъ усердно молиться Господу и между прочимъ въ слѣдующихъ словахъ: „Господи, Спасителю мой! вѣмъ, яко не могу и помыслити отъ себе что доброе, отъ Тебе же источника благостыни вся исходятъ. Аще по Своей благости Ты благоволиши усмотрѣть что благое въ моей протекшей жизни, то, молю Тя, Спасителю мой, вмѣни то моему отцу! Меня же грѣшнаго спаси, имиже вѣси судьбами. О семъ молю Тя, Владыко, яко человѣкъ; Ты же Господи мой, твори, якоже угодно Твоей благостыни. Не якоже азъ хощу, но якоже Ты!“— Послѣ молитвы во снѣ ему представилось слѣдующее: онъ вдругъ оказался въ какомъ-то прекрасномъ мѣстѣ; предъ нимъ разстилалась низменная равнина съ разнородною красотою растеній; къ востоку возвышалась небольшая покатость, на которой былъ расположенъ прекрасный садъ. Посреди сада стоялъ величественный домъ, но еще неотдѣланный: въ немъ не было ни оконъ, ни дверей. Проходя мимо дома, онъ увидѣлъ въ немъ своего покойнаго отца, который подозвалъ его къ окну и сказалъ: „сынъ мой! ты строилъ этотъ домъ для себя; но съ того времени, какъ ты подарилъ его мнѣ, онъ мнѣ принадлежитъ. А ты теперь начинай для себя строить другой!“ Вскорѣ Архимандритъ Іоаникій убѣдился, что это знаменательное сновидѣніе было не безъ значенія для него. На третій день послѣ сновидѣнія его пригласилъ къ себѣ настоятель пустыни игуменъ Евстратій. Этотъ игуменъ былъ самъ по себѣ простъ, но въ характерѣ своемъ имѣлъ нѣкоторыя странности. Между прочимъ онъ страстно любилъ производить постройки *). Поэтому

*) Глинская пустынь обязана игумену Евстратію многими сооруженіями и постройками: такъ, имъ застроенъ громадный соборъ, достроенный потомъ игуменомъ Иннокентіемъ; построены теплая церковь и скитская церковь съ оградою, надстроенъ трапезный корпусъ, въ саду построенъ Архіерейскій корпусъ, просфорницкій корпусъ; перестроенъ

онъ постоянно нуждался въ деньгахъ. Полагая, что Архимандритъ Іоанникій имѣетъ большія деньги, онъ предложилъ ему пожертвовать на обитель пять тысячъ рублей. Когда Архимандритъ объявилъ, что у него нѣтъ не только пяти тысячъ, но даже не имѣется и на свои келейныя нужды,—игуменъ Евстратій вообразилъ, что тотъ не хочетъ дать, и, разразившись противъ него гнѣвомъ, началъ укорять его, обзывая „тупоядцемъ,“ „дурноѣдомъ“ и проч. и грозилъ выгнать его изъ Глинской пустыни. Возвратясь въ свою келлію, Архимандритъ Іоанникій благодарилъ Господа за то, что Онъ услышалъ его молитву за отца. Видимо было для него, что матеріалъ для постройки другаго дома, взамѣнъ отданнаго Іоанникіемъ своему отцу, предлагался; нужно было только съ терпѣніемъ взяться за его созиданіе. Поэтому Архимандритъ Іоанникій приготовился съ терпѣніемъ и любовію переносить всѣ оскорбленія, какія имѣли быть ему нанесены Божіимъ попущеніемъ для егожо пользы.

И дѣйствительно, игуменъ Евстратій, мнимоубѣжденный въ томъ, что Архимандритъ Іоанникій имѣетъ деньги, во что бы то ни стало рѣшился выпудить у него пять тысячъ рублей. Въ этихъ видахъ онъ при всякомъ случаѣ и при всякой встрѣчѣ, наединѣ и въ присутствіи другихъ, даже въ присутствіи пріѣзжающихъ посѣтителей заводилъ объ этомъ рѣчь и требовалъ денегъ. Требованія его сопровождались различными упреками, поносными словами и порицаніями, иногда выходящими изъ предѣловъ всякаго приличія. Стараясь какъ можно чувствительнѣе уязвить старца Архимандрита, онъ надѣялся такимъ путемъ выпудить у него тѣ желаемыя пять тысячъ, которыхъ Архимандритъ никогда не имѣлъ.

Въ продолженіе трехъ лѣтъ Архимандритъ Іоанникій переносилъ столь тяжкія для него оскорбленія съ удивительнымъ терпѣніемъ и кротостію; никогда не воздавалъ онъ оскорбленіемъ за

іеромонашескій корпусъ; построены два большихъ корпуса на гостинницѣ, верхняя часть ограды, въѣздныя ворота и еще нѣкоторыя постройки.

оскорбленіе и всегда молился за оскорбляющаго, какъ за благодѣтеля. Онъ вѣрилъ и зналъ, что это искушеніе послано ему по его же молитвѣ, а посему и принималъ все съ благодарностію къ Господу.—Наконецъ, о такихъ дѣйствіяхъ игумена Евстратія случайно узналъ отъ посторонннихъ Высокопреосвященный Ніодоръ, управляющій тогда Курскою епархіею. Владыка лично сдѣлалъ игумену строгое замѣчаніе и пригрозилъ ему въ томъ смыслѣ, что, въ случаѣ жалобы со стороны Архимандрита, онъ защищать его, игумена, не будетъ. Послѣ этого игуменъ Евстратій измѣнилъ свои отношенія къ Архимандриту и, по своей простотѣ, даже самъ откровенно разсказалъ послѣднему о строгомъ замѣчаніи со стороны Архіерея.

Еще съ давнихъ лѣтъ Архимандритъ Іоанникій имѣлъ желаніе посѣтить святую землю, поклонитьея животворящему Гробу Господню и облобызать слѣды своего Спасителя. Но различныя обстоятельства его жизни не позволяли ему предпринять такое путешествіе. Когда онъ освободился отъ должности настоятеля монастыря, то уже могъ безпрепятственно осуществить свое благое желаніе, но и тогда недостатокъ въ средствахъ служилъ не малымъ къ тому препятствіемъ. Находясь въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, онъ не терялъ надежды на Бога и полагался на волю Божію: „если угодно Господу мое желаніе, говорилъ онъ, то Онъ пошлетъ мнѣ все нужное.“ И дѣйствительно, вѣрующему *вся возможна*. Господь послалъ ему одновременно двухъ благодѣтелей, которые снабдили его всѣмъ потребнымъ для дальняго путешествія.

Въ 1851 году Архимандритъ Іоанникій предпринялъ путешествіе въ Палестину вмѣстѣ съ другими паломниками, направляющимися туда же. Изъ Одессы они на парусномъ кораблѣ пустились въ море. Бывъ въ Средиземномъ морѣ и обходя малоазійскій берегъ, корабль ихъ поровнялся съ берегомъ Мирликіи, гдѣ находится гробъ Святителя и Чудотворца Николая. Изъ паломниковъ никто не зналъ мѣста Мирликіи, а капитанъ корабля (грекъ) хотѣлъ миновать Мирликійскій берегъ, чтобы

неостановливаться тамъ, такъ какъ погода и вѣтеръ были благопріятные. Только что корабль поровнялся съ Мирликіею, какъ вдругъ подулъ сильный вѣтеръ съ моря, и корабль понесло къ берегу. Принятыя къ сопротивленію мѣры не имѣли успѣха, и корабль загнало въ заливъ. Съ большимъ трудомъ удалось кораблю направить снова въ путь. Но опять повторилось тоже. Капитанъ, желая поставить на своемъ, употребилъ всѣ средства и сдѣлалъ усиленное сопротивленіе; но какъ только выѣхали въ море, то вѣтеръ вдругъ сдѣлалъ такой натискъ, что едва успѣли бросить якорь, чтобы отклониться отъ скалы, грозившей кораблю совершенною гибелью. Тогда капитанъ, указывая на берегъ, въ азартѣ закричалъ на паломниковъ: „ступайте къ нему, (разумѣя Святителя Николая)! Это онъ надѣлалъ: онъ васъ Русскихъ любитъ.“ Сказавъ эти слова, капитанъ скрылся въ каюту. Паломники непонимали, въ чемъ дѣло, пока матросы необъяснили имъ, что здѣсь находится гробъ Христова Святителя Николая. Высадившись на берегъ, они поспѣшили къ мѣсту гроба Святителя. Архимандритъ Іоанникій, исполненный сугубой радости, благодарилъ своего покровителя, Святителя Николая за то, что онъ такъ чудесно далъ ему возможность поклониться мѣсту погребенія своего. Прійдя въ церковь и представъ гробу Святителя, Архимандритъ Іоанникій возложилъ на себя епитрахиль и началъ молебенъ. Пѣвцы изъ числа поклонниковъ запѣли: „Царю Небесный“ и прочее, а онъ благоговѣйно положилъ земной поклонъ. Въ это время лампада, висѣвшая на высотѣ, недосягаемой рукою человѣка, вылилась на него сама собою и потомъ опять стала въ обычное свое положеніе, нисколько не качаясь *). Это чудесное обстоятельство привело всѣхъ въ удивленіе; всѣ въ одинъ голосъ заговорили: „милость, милость Святитель изливаетъ на Архимандрита.“—Послѣ молебна Архимандритъ Іоанникій пожелалъ удостовѣриться, не задѣлъ ли онъ лампады какъ нибудь нечаянно.

*) Это подтверждали самовидцы, бывшіе его сопутники.

ясно. Онъ измѣрилъ рукою разстояніе и далеко не досталъ лампады.

Продолжая дальнѣйшее путешествіе, паломники скоро имѣли и случай испытать на себѣ милость и покровительство Св. Николая. Когда корабль ихъ оставилъ Мирликійскій берегъ, онъ скоро былъ настигнутъ судномъ морскихъ разбойниковъ; но послѣдніе, паче чаянія, нападенія на корабль не сдѣлали. Въ этомъ обстоятельствѣ всѣ паломники видѣли милостивое покровительство Угодника Божія, чудесно пролившаго елей, знаменіе милости, на любящаго его.

Во время пребыванія въ Іерусалимѣ, Архимандритъ Іоанникій часто обходилъ мѣста, освященныя жизнію и страданіями нашего Спасителя: Гробъ Господень, Голгоѳа, Страстный путь, Гѳѳсиманія, Елеонъ и прочія святыя мѣста были для него любимѣйшими мѣстами поклоненія. Здѣсь со всею полнотою благоговѣйно любящаго сердца изливался его молитвенный духъ къ Тому, Кто совершилъ великое дѣло нашего искупленія, Кто пролилъ Пречистую Свою кровь ради міра, во злѣ лежащаго.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ Архимандритъ посѣтилъ и многія другія святыя мѣста, какъ то: Виѳлеемъ, Хевронъ, Іорданъ, сорокодневную гору (между прочимъ Лавру преподобнаго Саввы Освященнаго) и прочія. Проѣздомъ въ Галилею онъ былъ въ Самаріи, на морѣ Тиверіадскомъ, на горѣ блаженствъ, въ Канѣ Галилейской, въ Назаретѣ, на Ѳаворѣ и прочихъ мѣстахъ, освященныхъ жизнію, чудесами и присутствіемъ Спасителя нашего и Пречистыя Его Матери, вездѣ припадая съ трепетно-благоговѣйнымъ чувствомъ глубокой любви къ своему Спасителю.

На обратномъ пути изъ Палестины Архимандритъ Іоанникій посѣтилъ святую Аѳонскую гору и прожилъ тамъ три мѣсяца, посѣщая монастыри, скиты и келліи мѣстныхъ подвижниковъ, почерпая изъ бесѣдъ съ ними душевную пользу. Въ краткое время онъ сдѣлался извѣстнымъ между обитателями Аѳона, какъ имѣющій высокій даръ разсужденія. Посему многіе

стали обращаться къ нему за душеполезными совѣтами и упрашивали его остаться тамъ навсегда, желая ввѣриться его руководству. Была уже назначена ему и келія, которую монастырь уступалъ ему безвозмездно. На это онъ сначала соглашался, но чрезъ нѣсколько времени объявилъ, что Господу неугодно, чтобы онъ оставался на Аѳонѣ, а противиться волѣ Божіей онъ не можетъ. Съ великою скорбію проводили его многіе Аѳонскіе отцы, и онъ возвратился въ Россію.

Такъ Архимандритъ Іоаникій, совершивъ свое путешествіе съ великою для себя душевною пользою, прибылъ въ Глинскую пустынь, гдѣ волею Божіею назначено было ему продолжать свой подвигъ служенія Богу и людямъ. Предаваясь своимъ обычнымъ подвигамъ, онъ въ тоже время не переставалъ заботиться и о спасеніи другихъ.

Когда игуменъ Евстратій сдѣлался боленъ, Архимандритъ Іоаникій часто посѣщалъ его и укрѣплялъ душеспасительными бесѣдами. Замѣтивъ приближеніе его кончины, онъ распорядился напутствовать его Св. Тайнами, послѣ чего предложилъ игумену пригласить братію и со всѣми проститься. Игуменъ не желалъ этого. Тогда Архимандритъ Іоаникій сказалъ ему: „Отче, послушай меня! Ты скоро узнаешь самъ, какую пользу приноситъ примиреніе душѣ, разлучающейся съ тѣломъ.“ При этомъ онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы вся братія пришли проститься съ умирающимъ настоятелемъ. Братія собрались и стали подходить къ нему по чину; у всѣхъ умирающій просилъ себѣ прощенія. Когда затѣмъ всѣ удалились, игуменъ обратилъ къ Архимандриту свой потухающій взоръ и сказалъ: „ахъ, братъ! вотъ когда я узналъ, что ты мнѣ истинный братъ. Какъ у меня легко стало на душѣ!.. Прости меня во всемъ, прости!“ Архимандритъ съ любовію высказалъ ему свое прощеніе и утѣшалъ приближающагося къ исходу, обѣщая за него молиться. Скоро игуменъ почилъ мирною кончиною.

1854 года ноября 4-го была мокрая погода, а ночью образовалась гололедица. Въ темнотѣ ночной сходя съ своего высо-

каго крыльца, Архимандритъ Іоаникій поскользнулся, упалъ и сильно вывихнулъ себѣ правую ногу. Подоспѣвшіе на помощь братія внесли его на рукахъ въ келлію и употребили всѣ старанія къ тому, чтобы вправить ногу на свое мѣсто, но не успѣли въ этомъ. Послѣ продолжительной болѣзни онъ, хотя и оправился, однако навсегда остался хромымъ и до самой своей смерти не могъ ходить безъ помощи палки. Съ благодарностію ко Господу принялъ онъ и это посѣщеніе.

Стремясь со всею ревностію къ высшему совершенству, Архимандритъ Іоаникій пожелалъ принять постриженіе въ великій Ангельскій образъ. Объ этомъ онъ просилъ разрѣшенія у Епархіальнаго Начальства и оное получилъ. Декабря 24-го 1858 года, въ навечеріе праздника Рождества Христова, онъ былъ облеченъ во святую схиму и наименованъ Піодоромъ.

По принятіи святыя схимы, старецъ схи-Архимандритъ Піодоръ, прилагая труды къ трудамъ, вниманіе ко вниманію, при непрестанномъ дѣланіи въ глубинѣ своего сердца, продолжалъ служеніе Богу и спасенію ближнихъ. Любовь, внѣдрившаяся въ его душу привлекала къ нему всѣхъ, желающихъ назиданія. Постоянно можно было видѣть у его келліи братію, приходящихъ къ нему за наставленіями и изъ желанія что либо услышать отъ него для укрѣпленія души и для возбужденія ревности къ дѣламъ добродѣтелей христіанскихъ. Видя такое расположеніе къ себѣ братіи, схи-Архимандритъ Піодоръ радовался этому и принималъ къ себѣ всѣхъ безъ различія: старшихъ, младшихъ, новоначальныхъ послушниковъ и странниковъ изъ монашествующихъ. Келлія его была всегда и для всѣхъ открыта. Его посѣщали многіе и изъ окрестнаго духовенства: настоятели монастырей, священники и монахи, равно какъ и многія свѣтскія особы изъ знатныхъ и изъ простыхъ, чувствуя къ нему любовь, имѣя къ нему довѣріе и почерпая для себя пользу изъ бесѣдъ и разговоровъ съ нимъ. Всѣхъ посѣтителей принималъ онъ съ одинаковою любовію. Пріѣзжій настоятель, протоіерей, какой нибудь знатный господинъ, стран-

никъ, своя братія: іеромонахъ, іеродіаконъ, монахъ, послушникъ, его келейникъ, — всѣ сидѣли у него за однимъ чайнымъ столомъ, всѣхъ онъ угощалъ, всѣхъ дарилъ своимъ привѣтливымъ вниманіемъ. Угощалъ онъ обыкновенно чаемъ, который присылали ему его почитатели. Если при этомъ и еще что бывало у него, то онъ все ставилъ на столъ, предлагая все посѣтителямъ съ отеческою любовію: „кушайте, кушайте, любезная моя братія!“ говорилъ онъ. Чай наливалъ обыкновенно самъ; самъ же и подавалъ всѣмъ. Если случалось, что кому-либо не хватало чайной посуды, или мѣста, гдѣ бы сѣсть, онъ уступалъ вновь пришедшему свое мѣсто, подавалъ ему приготовленную для себѣ чашку, хотя самъ еще не начиналъ пить. Впрочемъ самъ онъ пилъ и ѣлъ очень умѣренно. Чаю пилъ лишь одну чашку, рѣдко двѣ. Ѣлъ очень мало, но старался казаться ядущимъ и піющимъ наравнѣ съ прочими. При этомъ онъ совѣтовалъ не вдаваться въ великое и чрезмѣрное воздержаніе и жестокіе для тѣла подвиги, но и не разслабляться излишествами. „Лучше, говаривалъ онъ, идти путемъ царскимъ, т. е. среднимъ, который болѣе всего предохраняетъ отъ паденія.“ Подъ покрываломъ такихъ выраженій онъ смиренно скрывалъ свои дѣла добродѣтели и свои совершенства, состоящія въ строгомъ исполненіи заповѣдей Божіихъ, въ чистотѣ сердца и въ свѣтломъ умѣ, непрестанно занятомъ призываніемъ сладчайшаго имени Іисуса.

Относясь съ любовію ко всѣмъ ближнимъ, старецъ Иліодоръ съ особеннымъ участіемъ относился къ монашествующимъ. „Міръ не знаетъ, говаривалъ онъ, да и знать не можетъ, что иногда претерпѣваетъ борющійся монахъ, какія острыя стрѣлы пронзаютъ его душу, какъ терпитъ и какъ полонъ различнаго рода опасностей путь его. Врагъ нашъ діаволъ, яко левъ рыкая, ходитъ и на всѣхъ путяхъ разставляетъ намъ свои сѣти.“ Поэтому онъ особенно охотно бесѣдовалъ съ монашествующими, принимая ихъ къ себѣ, а иногда и самъ обходя братскія келліи. Онъ внушалъ имъ имѣть страхъ Божій, поучалъ ихъ исполне-

нію иноческихъ обязанностей и борьбѣ со страстями, разоблачая козни міродержителя тьмы вѣка сего, діавола. Наипаче же онъ заботился о молодыхъ; особенно нуждающихся въ помощи и руководствѣ, возбуждая въ нихъ ревность духа и оберегая ихъ отъ паденій. Въ послѣднемъ случаѣ старецъ иногда проявлялъ даръ прозорливости, по силѣ котораго онъ прозрѣвалъ иногда грѣховныя намѣренія человѣка и вовремя подавалъ ему руку помощи. Для примѣра приведемъ искренній разсказъ одного молодаго монаха, который со скорбію раскаянія и со слезами на глазахъ разсказывалъ о себѣ слѣдующее: „однажды я какъ-то увлекся нечистыми помыслами; по малоопытности въ борьбѣ, я не смогъ отразить ихъ. Нечистыя, но соблазнительныя картины, рисовавшіяся въ моемъ воображеніи, совсѣмъ отуманили мой умъ. По вражескому устроенію мнѣ пришлось встрѣтиться съ людьми, сочувствующими моему нечистому похотѣнію, и я вознамѣрился осуществить свой грѣховный помыслъ. Когда наступилъ вечеръ, я пошелъ за трапезный корпусъ, чтобы, обойдя его, чрезъ садъ мимо теплой церкви пройти на гостиницу, гдѣ меня, быть можетъ, ожидало паденіе. Войдя въ садъ, я сталъ подниматься вверхъ по тропинкѣ къ теплой церкви. Здѣсь я замѣтилъ, хотя и темно было, человѣка, идущаго мнѣ на встрѣчу. Не желая быть замѣченнымъ я уклонился въ сторону на право и спрятался за дерево, осторожно наблюдая за проходящимъ. Вижу, что онъ остановился противъ меня и сталъ звать къ себѣ: „Чадо, пойди ко мнѣ! Пойди ко мнѣ, чадо!“ Я узналъ голосъ старца Иліодора, но молчалъ, полагая, что, быть можетъ, онъ и не меня зоветъ. Наконецъ онъ назвалъ меня по имени. Тогда скрываться было уже нельзя. Я подошелъ къ нему и поклонился, чтобы принять благословеніе. Но онъ, взявши крѣпко меня за руку, сталъ спрашивать меня: „куда ты, чадо, идешь, а? Скажи мнѣ, чадо, куда ты идешь?“ На мой отвѣтъ, что иду по дѣлу, онъ сказалъ: „чадо, скажи мнѣ правду, я не начальникъ твой, меня нечего бояться. Ты говоришь „по дѣлу“, а дѣло-то вѣдь не доброе. Посмотри, вонъ кто понуждаетъ тебя

идти по этому дѣлу, чтобы за тѣмъ взять душу твою!“ При этомъ онъ указалъ внизъ къ трапезному корпусу. Я взглянулъ туда, и моимъ глазамъ представилось страшное зрѣлище: около каменнаго быка, поддерживающаго корпусъ, я увидѣлъ діавола, въ безобразнѣйшемъ видѣ: черный, очи огненныя, зубы выдающіеся изъ рта, внутренности наружи и нѣсколько прикрыты длинною бородою; весь онъ былъ въ пламени. При видѣ такого гнуснаго страшилища, я затрепеталъ отъ ужаса; кровь какъ будто застыла во всѣхъ моихъ жилахъ: я не могъ двинуться съ мѣста, не могъ проговорить ни одного слова и стоялъ, какъ окаменѣлый. Помню только, что старецъ, держа меня за руку, повелъ съ собою, говоря: „пойдемъ, чадо! пойдемъ ко мнѣ!“ Приведши въ свою келлію, онъ посадилъ меня на стулъ, гдѣ я сталъ уже приходить въ себя и успокоиваться. Чтобы ободрить меня, онъ распорядился подать самоваръ и, сидя за чаемъ, убѣждалъ и укрѣплялъ меня, чтобы я былъ на будущее время осторожнѣе, и продержалъ въ своей келліи до утренняго благовѣста.“

Въ 1863 году старецъ Иліодоръ осуществилъ свое давнее желаніе уединиться, чтобы внѣ всякихъ развлеченій всѣмъ существомъ своимъ предаться сосредоточеннымъ религіознымъ созерцаніямъ и добродѣтелямъ строго—подвижнической жизни. Испросивши согласіе настоятеля, онъ иждивеніемъ своихъ благотворителей построилъ въ лѣсу, въ уединенномъ мѣстѣ, келлію и поселился въ ней на жительство, взявъ въ послуженіе себѣ одного послушника *).

Съ переселеніемъ въ пустынную келлію, старецъ Иліодоръ усугубилъ свои подвиги, и образъ его жизни сдѣлался суровѣе: молитва, воздержаніе и удрученіе своего тѣла были непрерывными его подвигами. Относительно молитвословій церковныхъ онъ держался обыкновенно слѣдующаго порядка: съ вечера, вмѣ-

*) Просился съ нимъ въ уединеніе и другой послушникъ. Старецъ спачала отказывалъ ему, объясняя ему, что онъ жить тамъ не будетъ; но послѣ настойчивыхъ просьбъ послушника онъ согласился его взять. Поживъ у старца около двухъ мѣсяцевъ, сей не могъ болѣе сносить уединенной жизни и возвратился въ монастырь

стѣ съ келейникомъ, онъ читалъ девятый часъ и вечерню; часовъ въ 8 или въ 9-ть вечера читалъ повечеріе, канонъ Божіей Матери и молитвы на сонъ грядущій. Ночью онъ возбуждалъ келейника или еще кого изъ братіи, нерѣдко бывавшей у него, на утреню, а иногда вычитывалъ ее одинъ, не желая утруждать другихъ. Часовъ въ 10-ть утра читались утреннія молитвы, часы—третій и шестый и обѣдница. Между всѣми этими молитвословіями онъ исполнялъ и свое продолжительное келейное правило. Изъ чего оно состояло, то осталось тайною....

Въ отношеніи пищи онъ держался строгаго скитскаго устава. Въ продолженіе всѣхъ постовъ онъ ѣлъ безъ постнаго масла. Въ понедѣльникъ, среду и пятокъ—тоже. Въ разрѣшающіе же дни онъ слѣдовалъ по разрѣшенію, но не ради услажденія аппетита, а именно только ради того, чтобы послѣдовать разрѣшенію. Никакихъ отступленій отъ принятыхъ правилъ онъ не допускалъ даже и во время тяжкихъ болѣзней. Обычный порядокъ питанія, какого онъ держался, слѣдующій: послѣ обѣдницы часовъ въ 11-ть или въ 12-ть онъ выпивалъ чашку чаю, размачивая въ ней ржаные сухарики. Часамъ къ двумъ—тремъ келейникъ варилъ картофель или супъ съ картофелемъ, приправленный конопляннымъ масломъ въ дни разрѣшающіе; рыба случалась очень рѣдко. Часовъ въ 6-ть или въ 7-мь онъ подкрѣплялся одною чашкою чая со ржаными сухарями. При этомъ старецъ часто укорялъ себя какъ бы за невоздержаніе; онъ говаривалъ: „вотъ какіе мы бѣдные пустынники! Ѣдимъ три раза въ день, а святые-то отцы какъ воздерживались! Охъ, горе тебѣ, бѣдный Иліодоръ!“ Случалось однако, что по нѣсколько дней ничего не варили, и тогда келейникъ ходилъ обѣдать въ монастырь, а старецъ удовлетворялся одними сухарями. Что касается пищи молочной и яицъ, то этого рода пищу старецъ употреблялъ въ маломъ количествѣ лишь по субботнимъ и воскреснымъ днямъ и въ двунадесятые праздники. Въ остальное время онъ, со дня постриженія въ святую схиму и до самой

смерти, т. е. въ продолженіе болѣе двадцати лѣтъ, не позволялъ себѣ употреблять молочной пищи и яицъ.

По воскреснымъ днямъ и въ великіе праздники онъ приходилъ въ монастырь и присутствовалъ въ церкви во время Богослуженія, всенощнаго бдѣнія и Божественной Литургіи. По окончаніи Богослуженія, онъ возвращался обыкновенно въ свою пустынную келлію; но нерѣдко оставался и въ монастырѣ на день и болѣе. Въ такихъ случаяхъ братія спѣшили къ нему, чтобы послушать отъ него назидательныхъ рѣчей и побесѣдовать съ нимъ для своей душевной пользы.

Живя въ пустынной келліи, старецъ Иліодоръ не нашелъ и тамъ полнаго уединенія. Любовь братіи и прочихъ почитателей нашла его и въ уединеніи. Братія часто ходили къ нему за назиданіемъ, и это было любимѣйшею ихъ прогулкою. Нѣкоторые же, съ благословенія настоятеля, проживали у него по недѣлѣ и болѣе; таковые уже участвовали въ его обыденныхъ молитвенныхъ правилахъ. Въ свободные же часы старецъ бесѣдовалъ съ ними, разсказывая имъ много поучительнаго изъ опыта своей жизни; говорилъ о тѣхъ видѣніяхъ и благодатныхъ посѣщеніяхъ, какихъ когда либо сподоблялся онъ. Разговаривалъ онъ объ этомъ и въ иныя времена, но тогда онъ все прошедшее съ нимъ относилъ обыкновенно къ кому либо иному. Теперь же, когда его окружали одни близкіе ему по духу, онъ, какъ отецъ, откровенно разсказывалъ, относя все къ себѣ. Слушая его живыя чудныя повѣствованія, въ которыхъ каждое слово изливалось изъ сердца, всѣ испытывали неизъяснимое духовное наслажденіе. Кому приходилось участвовать въ этихъ душеспасительныхъ бесѣдахъ старца, у того онѣ никогда не изгладятся изъ памяти. Иногда вечеромъ, когда жизнь природы какъ бы затихала, старецъ выходилъ въ садъ и тамъ, сидя, бесѣдовалъ съ своими слушателями и учениками. Картина была поистинѣ трогательная! Вы видите сидящимъ бѣлоснѣжнаго старца, окруженнаго дѣтски-преданными ему учениками, съ благоговѣйною любовію внимающими его душеспасительнымъ

наставленіямъ; вы невольно переноситесь мыслію ко временамъ древнихъ Египетскихъ отцевъ, около которыхъ съ такою же дѣтскою любовію собирались благоговѣйно любящіе ихъ ученики и чтители! Какая рѣдкость это въ наше время?!..

Такимъ образомъ окончательно затвориться старцу воспрепятствовала любовь къ нему братіи, съ которою и онъ чувствовалъ себя связаннымъ тѣми же узами. „Какъ бы хотѣлось мнѣ уединиться совершенно, говорилъ онъ, чтобы не принимать никого! Но любовь, которая связываетъ меня съ братіею, не позволяетъ мнѣ сдѣлать это.“

Приходили въ келлію старца и мірскіе люди; съ ними онъ бесѣдовалъ обыкновенно за воротами. Нѣкоторыхъ мужчинъ, впрочемъ, онъ принималъ и въ свою келлію, женщинъ же никогда.

Около семи лѣтъ прожилъ старецъ въ своей пустынной келліи, сохраняя еще достаточно силъ, чтобы ходить пѣшкомъ въ монастырь къ Богослуженію, но затѣмъ силы его стали ослабѣвать; онъ уже не могъ ходить самъ, а когда нужно было, за нимъ присылали изъ монастыря лошадь. Видно было, что онъ постепенно слабѣетъ: припадки болѣзни стали повторяться все чаще и чаще; ноги, которыми онъ и прежде страдалъ, теперь сильно отекли, и онъ съ трудомъ могъ передвигать ихъ. Чувствуя свое изнеможеніе, онъ видѣлъ, что скоро ему придется оставить свою пустынную келлію, хотя и прискорбно ему было разстаться съ уединеннымъ убѣжищемъ, гдѣ онъ навыкъ молитвенному пребыванію въ единеніи съ Іисусомъ Сладчайшимъ.

Дѣйствительно такъ и случилось: одинъ изъ братіи монастыря, пробывъ у старца нѣсколько дней, собрался обратно въ монастырь и зашелъ къ старцу за благословеніемъ. Старецъ сказалъ ему: „чадо! побудь еще мало здѣсь со мною; я чувствую, что болѣе уже не буду здѣсь жить“...

Дня чрезъ три онъ сильно заболѣлъ, вслѣдствіе чего его перевезли въ монастырь, и онъ уже не возвращался болѣе въ свою любимую пустыню.

Переселившись въ монастырь, старецъ Иліодоръ въ продолженіе около трехъ лѣтъ имѣлъ еще нѣсколько силъ: по временамъ ходилъ въ церковь и принималъ къ себѣ посѣтителей, пребывая въ союзѣ любви съ братіею. Но послѣдніе два года онъ почти постоянно лежалъ и поднимался лишь съ помощію другихъ. Видимо онъ истаевалъ, какъ воскъ, постепенно угасалъ, какъ догорающій свѣтильникъ, и жизнь его готова была скоро закатиться. Однако духъ его продолжалъ еще бодрствовать, пребывая постоянно въ умо-сердечной молитвѣ и въ духовномъ созерцаніи. Онъ напрягалъ послѣдніе остатки своихъ силъ, чтобы выполнять свое келейное правило хотя и сидя, такъ какъ стоять долго онъ не могъ.

Одинъ изъ учениковъ старца, стоя однажды около его койки, со скорбію взиралъ на него, изнемогающаго. Замѣчая, что старецъ, по временамъ, какъ бы забывается, онъ спросилъ его: „Батюшка! скажите мнѣ, какъ въ настоящее время дѣйствуетъ въ васъ молитва?“ Старецъ строго взглянулъ на него и сказалъ: „а на что тебѣ знать это?“ „Любовь моя къ вамъ побудила меня спросить васъ объ этомъ“, сказалъ ученикъ. „Вы теперь очень слабы; можетъ быть скоро прійдется разлучиться съ вами, и тогда я этого ни отъ кого не услышу.“ Тогда старецъ коснулся перстами правой руки своего чела и провелъ по направленію къ сердцу; утвердивъ персты на сердцѣ, онъ сказалъ: „какъ источникъ непрестанно текущій“ *). При этомъ онъ закрылъ глаза и какъ бы снова погрузился въ это благодатно-молитвенное теченіе.

1879-го года, съ наступленіемъ весны, и послѣднія его силы стали быстро изсякать; ноги ему уже измѣнили совершенно; лишь при помощи другихъ онъ могъ выходить на крыльцо, чтобы посидѣть на креслицѣ и подышать свѣжимъ воздухомъ.

17-го числа іюня онъ сидѣлъ на крыльцѣ; ему вздумалось

*) Не задолго до смерти старца тотъ же ученикъ спросилъ его: «Батюшка! въ какомъ состояніи теперь ваша молитва?» Старецъ, проведши рукою отъ головы до сердца, слабѣющимъ голосомъ сказалъ: «течетъ.»

спуститься по ступенькамъ въ садикъ, но здѣсь онъ почувствовалъ крайнюю слабость; съ помощію другихъ онъ возвратился въ келлію и уже болѣе не выходилъ изъ нея.

18-го числа, въ понедѣльникъ, часовъ въ 6-ть вечера у него явилось было желаніе выйти на крыльце; онъ хотѣлъ было безъ помощи келейника одѣться, но потерялъ равновѣсіе и упалъ. Келейникъ и бывшій у него монахъ, услышавъ глухой стукъ, бросились въ его келлію и нашли его лежащимъ на полу; въ рукахъ его былъ подрясникъ съ порванной вѣшалкой. Паденіе это причинило ему тяжелыя страданія и ускорило его смерть. Оказалось, что онъ сильно разбилъ больную ногу. Его бережно уложили на койку на лѣвый бокъ, на которомъ онъ пролежалъ трое сутокъ, будучи не въ состояніи сдѣлать и малѣйшаго движенія. Видно было, что онъ переносилъ жестокія страданія.

Въ четвергъ 21-го іюня онъ попросилъ, чтобы его положили на другой бокъ; но это было сопряжено съ большими затрудненіями: этимъ можно было причинить ему жесточайшія страданія. Чтобы избѣжать этого, его переложили на другую койку, послѣ чего онъ успокоился и скоро пожелалъ пріобщиться Святыхъ Христовыхъ Таинъ. По принятіи Св. Таинъ, ему стало легче. Тогда начали приходить къ нему братія, чтобы проститься съ нимъ и принять отъ него послѣднее благословеніе. Всѣхъ просилъ онъ молиться за себя. Приходили къ нему и многіе изъ окрестныхъ жителей, чтившихъ его, чтобы принять отъ него благословеніе и проститься съ нимъ.

Видя свое земное поприще приходящимъ къ концу, старецъ спокойно смотрѣлъ на приближающуюся кончину. Видно было, что онъ вѣрилъ въ свое дерзновеніе предъ Богомъ. Подозвавъ однажды къ себѣ своего келейника, онъ сталъ благодарить его за его служеніе и сказалъ: „благодарю тебя, братъ мой, за твою услугу; буду благодарить Господа Бога за тебя.“ Почти въ тѣхъ же словахъ онъ поблагодарилъ монаха изъ его воспріемныхъ, который здѣсь же ему прислуживалъ.

23-го іюня, въ субботу, ему сдѣлалось тяжко. Онъ пріобщился Христовыхъ Таинъ и почувствовалъ облегченіе, которое дало ему возможность принимать приходившихъ за благословеніемъ. Нѣкоторые изъ воспріемныхъ отъ Евангелія дѣтей находились въ отлучкѣ; таковыхъ онъ благословилъ иконами заочно *).

24-го іюня, въ воскресенье, онъ провелъ день очень спокойно, но крайне ослабѣлъ. Онъ часто закрывалъ глаза и погружался въ самаго себя, уходя куда-то далеко, какъ бы въ другой міръ. Если нужно было ему что либо сказать, то требовались усилія, чтобы вызвать его извнутри, надо было звать его нѣсколько разъ, и тогда онъ начиналъ говорить. Но и въ такомъ положеніи умъ его былъ чистъ и ясенъ. Онъ разсуждалъ очень здраво и говорилъ, хотя слабо, но послѣдовательно. Теряя силы воспринимать внѣшнія впечатлѣнія и вообще жить внѣшними чувствами, онъ постепенно переходилъ къ жизни чувствами духовными. Лежа съ закрытыми глазами, онъ внутренними очами видѣлъ то, что происходило, и чего онъ не видѣлъ чувственными.

Такъ, по его приказанію, стали снимать (съ образницы) икону, но взяли не ту, какую онъ хотѣлъ; тогда, подозвавши къ себѣ снимавшаго, онъ сказалъ: „ты не ту снимаешь икону, сними другую,“ и при этомъ назвалъ ту, какую слѣдовало взять. Надо замѣтить, что икону снимали въ другой комнатѣ, отдѣленной стѣною, такъ что старецъ не могъ этого видѣть; не могъ онъ опредѣлить этого и посредствомъ чувства слуха, такъ какъ и это чувство у него уже притупилось и потеряло энергію къ воспріятію. Еще фактъ: одинъ изъ прислуживающихъ ему, именно монахъ Геласій, поставилъ небольшую картину съ изображеніемъ на ней Лика Божіей Матери на окно, такъ, что старецъ, лежавшій съ закрытыми глазами, не могъ ея видѣть. Гибкая картина не сохранила своего устойчиваго положенія и

*) Пишущій эти строки, самъ, будучи въ то время въ отлучкѣ, получилъ въ благословеніе отъ старца икону.

упала. Тогда старецъ подозвалъ къ себѣ того, кто помѣстилъ на окнѣ изображеніе, и сказалъ ему: „посмотри, тамъ упало изображеніе Божіей Матери.“—Есть основаніе думать, что своими внутренними чувствами старецъ видѣлъ происходившее даже за предѣлами его келліи. Случилось, напр., что одинъ изъ братіи ходилъ по надобности за монастырскую ограду. Повстрѣчавшись съ одною особою, онъ вступилъ съ нею въ разговоръ, и назвалъ ее своею сестрою. Когда онъ пришелъ въ келлію старца, то послѣдній подозвалъ его къ себѣ и спросилъ: „а гдѣ твоя сестра?“ Монахъ сказалъ, что не знаетъ, о какой сестрѣ спрашиваетъ его старецъ. Тогда старецъ назвалъ ее по имени.

25-го іюня, въ понедѣльникъ, старецъ еще разъ причастился Св. Таинъ и мирно ожидалъ своего исхода. Онъ уже переставалъ владѣть своимъ языкомъ, и ему тяжело было говорить. Если что надо было приказать онъ указывалъ то движеніемъ руки. По принятіи Св. Таинъ, онъ далъ знакъ, чтобы ему поднесли крестъ съ распятіемъ, предъ которымъ онъ молился многіе годы. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, онъ приложился ко кресту, закрылъ глаза и глубоко погрузился какъ бы въ область иного міра.

Къ вечеру этого дня прибылъ Коренской пустыни игуменъ Іоанникій, котораго ожидалъ старецъ. На первыя свои привѣтствія игуменъ не получилъ никакого отвѣта; старецъ не слышалъ ихъ. Спустя около трехъ часовъ снова извѣстили старца о пріѣздѣ игумена Іоанникія. Старецъ съ большими усиліями произнесъ: „просите его сюда.“ Увидѣвъ игумена, онъ привѣтствовалъ его знакомъ поклона, взаимно поцѣловалъ его руку и сказалъ: „благодарю васъ, спаси Господи!“ Долго и внимательно смотрѣлъ на него старецъ и затѣмъ проводилъ его знакомъ поклона.

27-го въ среду утромъ у старца спросили не желаетъ ли онъ принять таинство Елеосвященія и пріобщиться Св. Таинъ. Съ усиліями едва слышно проговорилъ онъ: „желаю очень.“

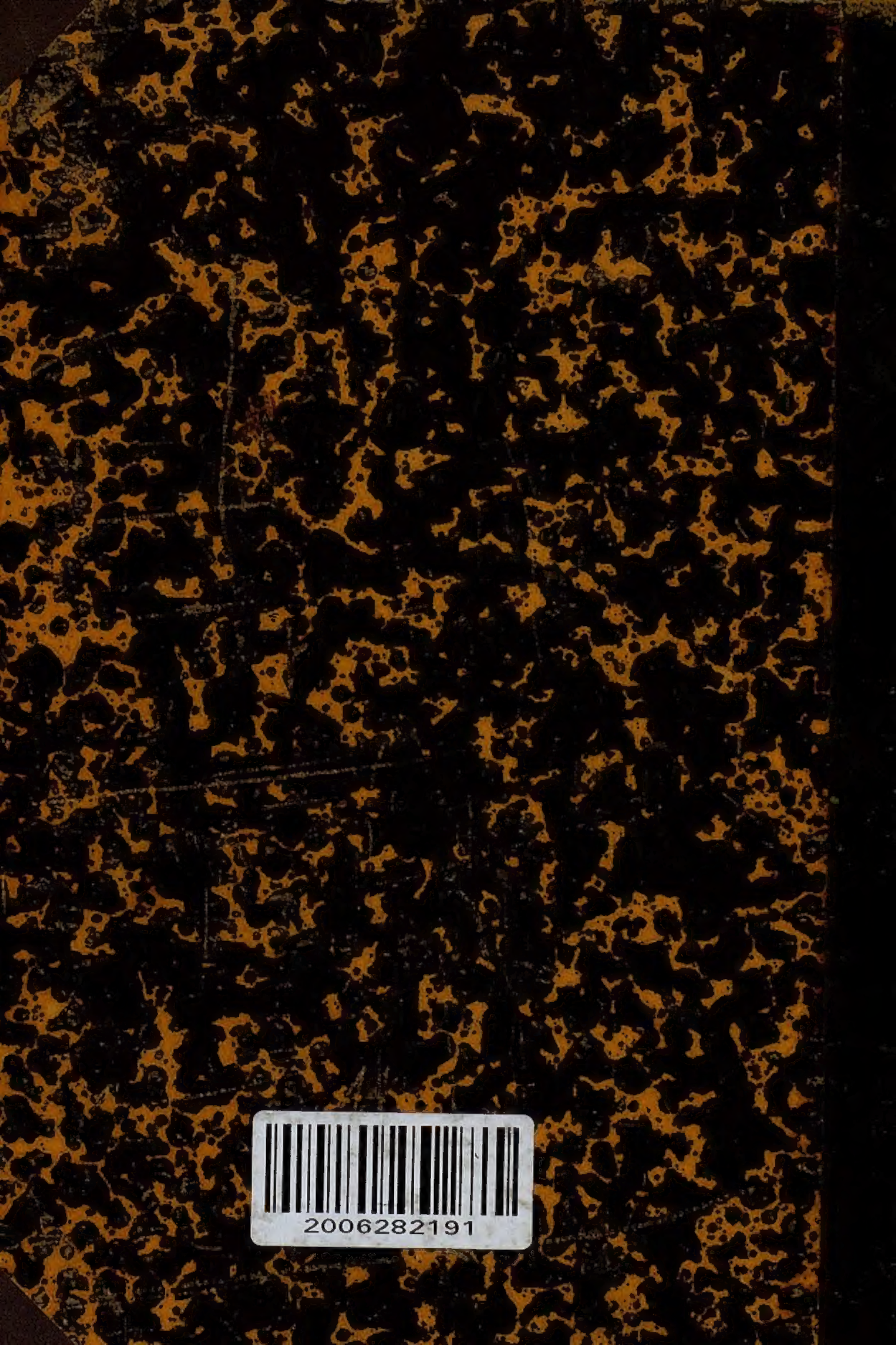
Игуменъ Иннокентій совершилъ таинство Елеосвященія, въ слѣдъ за которымъ въ послѣдній разъ пріобщили его Св. Таинъ.

Остальное время дня и вечеръ старецъ провелъ спокойно. Уже въ полночь находившійся при немъ келейникъ его, монахъ Аѳеимъ, замѣтилъ, что дыханіе его начинаетъ замедляться; онъ позвалъ Коренскаго игумена Іоанникія, находившагося въ сосѣдней келліи, и монаха Геласія. Они пришли и увидѣли, что старецъ лежитъ благообразно; легкое дыханіе его постепенно замедляется и видимо настаетъ исходъ души.... Скоро послѣдній тихій вздохъ возвѣстилъ, что земное поприще старца схи-Архимандрита Иліодора окончилось.... Онъ мирно почилъ о Господѣ ровно въ часъ по полунощи, съ двадцать седьмаго на двадцать восьмое число іюня мѣсяца 1879 года. По кончинѣ тѣло его было опрятано руками братіи, какъ подобаетъ, по чину иноческому. Началось чтеніе Св. Евангелія, которое и продолжалось безъ перерыва. Въ это время многіе изъ его чтителей, услышавъ о его кончинѣ, приходили въ келлію и съ тяжелымъ воздыханіемъ изливали горячія слезы, вознося свои молитвы ко Господу о томъ, кто всю жизнь свою самъ служилъ для всѣхъ утѣшеніемъ. Такъ продолжалось до 30 іюня.

30-го же іюня, послѣ поздней Литургіи, настоятелемъ Глинской пустыни игуменомъ Иннокентіемъ съ соборомъ іеромонаховъ совершенъ былъ священный обрядъ погребенія. Послѣ обычнаго цѣлованія, братія подняли гробъ и на своихъ рукахъ понесли его къ мѣсту погребенія. Во время шествія совершались обычныя литіи съ чтеніемъ Св. Евангелія, а затѣмъ, при пѣніи: „земля зинувши пріими отъ тебе созданнаго рукою Божіею прежде“ и проч., гробъ опустили въ могилу (со склепомъ). Такъ сокрылись въ землѣ останки смиреннаго монаха, духовнаго воина Христова схи-Архимандрита Иліодора, подвизавшагося въ иночествѣ шестьдесятъ пять лѣтъ и въ смиреніи иноческомъ достигшаго высокихъ духовныхъ дарованій и возшедшаго на высоту добродѣтелей, наипаче же любви къ Богу и ближнему.

Зная эту основную добродѣтель усопшаго старца, игуменъ Иннокентій назначилъ мѣсто для его погребенія при входѣ въ теплую церковь, дабы гробъ его напоминалъ о его любви и какъ бы отъ лица сокрытаго въ немъ взывалъ ко всѣмъ, входящимъ во святой храмъ словами церковнаго пѣснопѣнія: „Духовніи мои братія и сопостницы, не забудите мене, егда молитеся, но зряще мой гробъ, поминайте мою любовь и молите Христа, да учинитъ духъ мой съ праведными.“

Церковь Глинской пустыни, гдѣ погребенъ старецъ Иліодоръ.


2006282191